

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт

Кафедра предпринимательского, конкурентного и финансового права

УТВЕРЖДАЮ

И.о. зав. кафедрой

_____ И.В. Шишко
подпись   инициалы, фамилия

« ____ » _____ 20 __ г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**РАСТОРЖЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ДОГОВОРА:
ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ПРАКТИКИ**

40.04.01 Юриспруденция

40.04.01.03 Корпоративный юрист

Научный руководитель _____ доцент, канд. юрид. наук Л.Ю. Егорова
подпись, дата   должность, ученая степень   инициалы, фамилия

Выпускник _____ В.В. Пылаева
подпись, дата   инициалы, фамилия

Рецензент _____ адвокат И.С. Балаганская
подпись, дата   должность   инициалы, фамилия

Красноярск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1 Роль и значение договора в предпринимательской деятельности.....	7
1.1 Понятие и сущность договора	7
1.2 Договор как правовое средство регулирования экономических отношений. Проблемы договорного регулирования	19
2 Судебное расторжение предпринимательского договора	33
2.1 Основания и процедура расторжения договора в судебном порядке	33
2.2 Расторжение предпринимательского договора в связи с существенным изменением обстоятельств: критерии отнесения обстоятельств к существенным	42
3 Односторонний отказ от договора: проблемы доктринального толкования и судебной практики	52
3.1 Основания и процедура одностороннего отказа от договора	52
3.2 Автоматическое прекращение договора.....	62
3.3 Существенность нарушения как основание для одностороннего отказа от договора	66
Заключение	77
Список использованных источников	81

ВВЕДЕНИЕ

О роли договора в системе взаимоотношений, возникающих в человеческой деятельности, говорится во многих научных трудах. Так, например, профессор Б.И. Пугинский в своей работе говорит о том, что договор «обеспечивает юридическую организацию взаимоотношений субъектов в нормальных условиях их делового взаимодействия, сотрудничества»¹. Роль договорного регулирования заключается, прежде всего, в том, что условия договора направлены на регламентацию частноправовой деятельности субъектов.

По справедливому утверждению С.Ю. Филипповой «посредством договора стороны согласуют свои правовые цели и организуют свою деятельность по их достижению»².

Предпосылкой возникновения договорных отношений является согласованная воля субъектов гражданских правоотношений. Очевидно, что экономическая результативность любого гражданско-правового договора зависит от степени организованности договорных связей.

Стороны договора вправе урегулировать практически любые аспекты хозяйственной деятельности, в том числе, решить социальные, организационные, экономические и иные вопросы, касающиеся только их взаимоотношений.

Существование устойчивых предпринимательских связей является одним из оснований успешного и стабильного развития гражданского оборота. Тем не менее, осуществление договорных обязательств может быть «заблокировано» возникновением разных обстоятельств, как то препятствующих сторонам реализовать все предусмотренные договоренности, или ставших результатом недобросовестного поведения одного из участников и др. В такой ситуации стороны прибегают к институту расторжения договора.

---

¹ Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования / Б.И. Пугинский. М. : ИКД "Зерцало-М", 2008. С.20.

² Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей / С.Ю. Филиппова. М. : Статут, 2011.

На сегодняшний день значительный потенциал договорных отношений еще не реализуется в полной мере, формирование системы договорно-правового регулирования продолжается. Об этом свидетельствуют постепенные изменения, вносимые в ГК РФ, касающиеся регулирования договорных отношений (например, статья 450.1 ГК РФ)³. Совершенствование законодательного обеспечения договорных отношений продолжает оставаться одной из важных задач современной действительности.

В то же время, действующее законодательство, взяв курс практически на детальную регламентацию экономических отношений сторон, не всегда точно и однозначно определяет порядок поведения сторон при расторжении договора. Имеются пробелы в правовом регулировании указанного института.

Таким образом, тема расторжения предпринимательского договора представляется актуальной.

Объектом диссертационного исследования является расторжение предпринимательского договора, как одно из возможных проявлений договорной свободы путем согласования сторонами в тексте договора условий его расторжения, а также договор как основное правовое средство регулирования экономических отношений участников гражданского оборота.

Предметом магистерской диссертации является анализ правового регулирования расторжения предпринимательского договора, а также проблемы правоприменительной практики в данной области исследования.

Целью исследования является системное рассмотрение правовых установлений об условиях и способах расторжения предпринимательского договора, выявление правовых противоречий, а также разработка предложений по совершенствованию российского законодательства с учетом опыта зарубежных стран.

---

³ Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ в ГК РФ введена статья 450.1, посвященная отказу от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору. См.: О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Перед началом исследования нами выдвигается следующая *гипотеза*: пробелы правового регулирования института расторжения предпринимательского договора должны быть устранены путем законодательного установления норм-принципов, не ограничивающих свободу участников договорных отношений.

Для достижения поставленной цели и выдвинутой гипотезы необходимо решить ряд *задач*, которые носят как общетеоретический, так и конкретно-прикладной характер:

1) определить сущность договора как правового средства регулирования экономических отношений сторон;

2) изучить правовое регулирование института расторжения предпринимательского договора в рамках национальной правовой системы;

3) определить проблемы, возникающие на уровне судебной практики в Российской Федерации в связи с расторжением предпринимательского договора;

4) на основе анализа положений законодательства и материалов сложившейся судебной практики определить направления по совершенствованию указанного правового института с учетом опыта зарубежных стран.

Методологической основой магистерской диссертации являются общенаучные (системный, логический) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы.

Магистерская диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников.

В первой главе раскрывается понятие и сущность договора, исследуются теоретические представления о договоре, как правовом средстве регулирования экономических отношений, анализируются основные проблемы договорного регулирования.

Вторая глава включает два параграфа, в которых исследуются правовые основания расторжения договора в судебном порядке, возникающие в судебной

практике проблемы применения доктрины существенного нарушения, процедура расторжения нарушенного предпринимательского договора, а также некоторые сложные вопросы, возникающие в судебной практике относительно применения правил о расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств, предлагаются пути решения проблем, имеющих в данной сфере с учетом опыта зарубежных стран.

В третьей главе рассматриваются некоторые проблемы, возникающие при доктринальном толковании механизма одностороннего отказа от договора, а также в судебной практике. Исследуется критерий существенности при отказе от договора, а также предлагается введение альтернативной процедуры выхода из договора.

Заключение представляет собой выводы, сделанные в результате проведенного исследования по поставленным ранее вопросам.

Теоретическую основу магистерской диссертации составили труды авторов: Е.А. Суханова, Б.И. Пугинского, С.Ю. Филипповой, А.Г. Карапетова, А.С. Комарова, М.А. Егоровой, С.А. Соменкова, В.Д. Карповича, А.Р. Ялиловой, М.И. Брагинского, Ф.В. Саримсокова, М.М. Агаркова, К.П. Победоносцева, Д.И. Мейера, Г.Ф. Шершеневича, Ю.В. Роговой, Р.О. Халфиной, И.Б. Новицкого, О.А. Красавчикова, О.С. Иоффе, М.Ф. Казанцева, М.Н. Марченко, А.Д. Корецкого, Л.А. Чеговадзе, Е.В. Коломенской, В.А. Белова, Б.В. Завидова, М.Л. Разу, И.В. Цветкова, И.А. Покровского, В.В. Витрянского, М.И. Кулагина, С.А. Хохлова, Э.Г. Юдина, В.А. Семеусова, К. Осакве, Ю.Г. Басина, Е.Н. Танага, С.С. Вилкина и др.

Практическая значимость результатов исследования определяется тем, что выводы и предложения, сформулированные и обоснованные в диссертации, могут быть использованы в деятельности практикующего юриста, в частности путем применения полученных выводов в предпринимательском договоре, для наиболее эффективного налаживания гражданско-правовых связей между участниками торгового оборота, а также выстраивания стройной системы исполнения принятых обязательств.

1 Роль и значение договора в предпринимательской деятельности

1.1 Понятие и сущность договора

Договор – одна из древнейших правовых конструкций. Понятие договора, как явления многоаспектного, существует со времен римского права. М.М. Агарков отмечал, что «в римском праве договор был только основанием возникновения обязательств, вещные права были лишь результатом осуществления определенного способа исполнения обязательств»⁴. Они рассматривались как основания возникновения правоотношений, основой которых являются соглашения. Недостаточно было юридической силы одного соглашения (*consensus*), необходима была передача вещи.

Римскому же праву, не только российская, но и правовые системы стран романо-германской семьи обязаны нормативным определением договора как соглашения. Согласно Дигестам Юстиниана «договор является соглашением двух или нескольких об одном и их согласием»⁵. Статья 420 ГК РФ определяет договор как соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.

Такой же подход к пониманию сущности договора являлся традиционным для отечественной правовой науки в дореволюционный и советский периоды.

Так, К.П. Победоносцев рассматривал договор как «сознательное соглашение нескольких лиц, в котором они совместно изъявляют свою волю для того, чтобы определить между собою юридическое отношение, в личном своем интересе по имуществу»⁶.

Д.И. Мейер определял договор как «соглашение воли двух или нескольких лиц, которое порождает право на чужое действие, имеющее

---

⁴ Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х томах. Т. 2 / М.М. Агарков. М.: Статут, 2012. С. 131 – 132.

⁵ Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И.С. Перетерского / отв. ред. Е.А. Скрипилев; ред. кол.: В.М. Корецкий, В.С. Нерсисянц, Е.М. Штаерман. М. : Наука, 1984. С.60

⁶ Победоносцев К.П. Курс гражданского права: Договоры и обязательства. Ч. 3 / К.П. Победоносцев; науч. ред. В.С. Ем. М. : Статут, 2003. С.2.

имущественный интерес»⁷.

Г.Ф. Шершеневич определял договор как «соглашение двух или более лиц, направленное к установлению, изменению или прекращению юридических отношений»⁸. Именно данное высказывание легло в основу содержания статьи 420 ГК РФ.

Не трудно заметить, что в определении сущности договора ученые не ограничивались одним лишь понятием договора как соглашения, ведь, не всякое соглашение является договором⁹, необходимы какие-то дополнительные характеристики, определяющие договор как правовую категорию, придающие ему юридическое значение. Из приведенных выше определений видно, что авторы рассматривали договор как соглашение, порождающее определенные последствия: право на чужое действие, имеющее имущественный интерес (Д.И. Мейер); возникновение правоотношения между субъектами (К.П. Победоносцев, Г.Ф. Шершеневич).

Цивилисты советского периода, также рассматривая договор как соглашение, понимали, что одной этой характеристики недостаточно для понимания такого сложного и многогранного явления как договор.

Так, Р.О. Халфина рассматривала договор как «соглашение... устанавливающее и регулирующее... взаимные гражданские права и обязанности...»¹⁰.

И.Б. Новицкий и Л.А. Лунц определяли договор как «соглашение... об

---

⁷ Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2-х частях: По исправленному и дополненному 8-му изданию, 1902 г. Ч. 2 / Д.И. Мейер; ред. кол.: В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнеев, Е.В. Кулагина, П.А. Панкратов, Е.А. Суханов. М. : Статут, 1997. С.831.

⁸ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. По изданию 1907 г. / Г.Ф. Шершеневич. М. : Спарк, 1995. С. 304.

⁹ В частности, Ю.В. Рогова полагает неприемлемым отождествление соглашения с договором ни с логической, ни с юридической точки зрения, рассматривая эти понятия как тождественные. См.: Рогова Ю.В. Договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота / Ю.В. Рогова. М. : Статут, 2015.; авторы учебника по логике отмечают, что определением договора через соглашение нарушаются правила построения научной дефиниции, поскольку термин, встречающийся в определяемой части не должен определяться через определяемый термин. См.: Войшвилло Е.И. Логика: учебное пособие / Е.И. Войшвилло, М.Г. Дегтярев. М. : Профобразование, 2000. С.62; А.Д. Корецкий считает, что в тех случаях, когда определяющее слово никакой новой информации не несет, процесс познания определяемого явления уходит по кругу, лежащему в стороне от его сути. См.: Корецкий А.Д. Договорное право России. Основы теории и практики реализации: учеб. пособие для вузов / А.Д. Корецкий // М. : ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д : ИЦ «МарТ», 2004. С. 19.

¹⁰ Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве / Р.О. Халфина; отв. ред. В.Н. Можейко. М. : Изд-во АН СССР, 1954. С.120.

установлении, изменении или прекращении каких-либо прав и обязанностей»¹¹.

О.А. Красавчиков характеризовал договор, как «согласование воле его сторон..., относительно установления взаимных прав и обязанностей»¹².

Квинтэссенцией мыслей советских ученых стало определение договора, как комплексного явления, предложенное О.С. Иоффе. По его мнению, термин «договор» обозначает одновременно: «соглашение сторон...самое обязательство, возникающее из такого соглашения, а в некоторых случаях ...документ, фиксирующий факт возникновения обязательства по воле его участников»¹³.

Это определение послужило основанием для объяснения сущности договора путем указания на его общность с иными объектами и категориями, такими как юридический факт, сделка, обязательство, правоотношение, документ. Вот как определяют договор авторы новейшего комментария к ГК РФ: «... в законодательстве, доктрине и правоприменительной практике термином «договор» обозначаются различные понятия: соглашение, юридический факт, правовое отношение, документ»¹⁴.

Но еще в 50-е гг. прошлого столетия О.А. Красавчиков указывал, что «подобное разночтение одного и того же термина не может не привести к различным недоразумениям и затруднениям теоретического и практического порядка»¹⁵. Поэтому представляется необходимым рассмотреть соотношение договора с каждым из указанных объектов.

Достаточно распространенным в юридической литературе является мнение о том, что **договор представляет собой один из видов юридических фактов**. Сторонниками такой точки зрения являются С.С. Алексеев, М.И. Брагинский, Ю.Е. Булатецкий, О.С. Иоффе и др.

---

¹¹ Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве / Л.А. Лунц, И.Б. Новицкий. М. : Госюриздат, 1950. С.95.

¹² Красавчиков О.А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции / О.А. Красавчиков // Антология уральской цивилистики, 1925 - 1989. Сборник статей. М. : Статут, 2001. С.172.

¹³ Иоффе О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. М.: Юрид. лит., 1975. С.26.

¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Общие положения о договоре. Постатейный комментарий к главам 27-29 [Электронный ресурс] / под ред. П.В. Крашенинникова // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁵ Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков // Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. Т.2.: М. : Статут, 2005. С.173.

Так, О.С. Иоффе указывал, что «договор занимает центральное место среди юридических фактов советского гражданского права»¹⁶. М.И. Брагинский также говорит о том, что «договор... составляет ступень в классификации юридических фактов... С указанной точки зрения договор может быть поставлен в один ряд с односторонними сделками, с деликтами, административными актами, юридическими поступками и др.»¹⁷.

Для понимания соотношения указанных объектов необходимо обратиться к понятию юридического факта.

Юридический факт в теории права понимается как обстоятельство (действие или событие), с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение субъективных прав и юридических обязанностей. Среди юридических фактов-действий принято выделять юридические акты, т.е. действия, которые специально совершаются людьми с намерением вызвать юридические последствия: приобрести, либо предоставить конкретные субъективные права или возложить юридические обязанности. К числу юридических фактов в сфере частного права относят акты применения права, сделки, соглашения, заявления граждан и другие волеизъявления, вызывающие правовые последствия¹⁸.

В механизме правового регулирования основным элементом выступают нормы права, выступающие «как предписание и как образец, модель поведения субъектов»¹⁹. Другим элементом правового регулирования является правоотношение – средство перевода общих моделей поведения, заложенных в нормах права, в конкретизированные и индивидуализированные акты поведения субъектов права²⁰. Главная функция юридических фактов в механизме правового регулирования, по мнению М.Н. Марченко, заключается в том, что они обеспечивают переход от общей модели прав и обязанностей к

---

¹⁶ Иоффе О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. М.: Юрид. лит., 1975. С. 31.

¹⁷ Договорное право: Общие положения. Кн. 1 / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. - 2-е изд. М.: Статут, 2003. С. 234.

¹⁸ Теория государства и права : учебник для вузов. 2-е изд. изм. и доп. / под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. М. : Изд-во НОРМА, 2002. С. 363-367.

¹⁹ Там же. С. 277.

²⁰ Там же. С.27.

конкретной²¹. Следовательно, как справедливо замечает Б.И. Пугинский, в обязательстве, возникающем из юридического факта, не может быть ничего такого, чего не было бы в правовых нормах, относящихся к регламентируемому ими юридическому факту²².

Вывод, который следует из изложенного: если договор является юридическим фактом, то все его условия должны определяться законом.

Однако такой вывод опровергается положениями п. 4 ст. 421 ГК РФ, согласно которому условия договора определяются по соглашению сторон, кроме случаев, когда содержания соответствующего условия предписано законом или правовыми актами. И, безусловно, такой вывод совершенно не коррелируется с положениями пункта 2 названной статьи, предусматривающей право сторон заключить договор, не предусмотренный действующим законодательством.

Д.А. Корецкий говорит, о том, что если обычный юридический факт – это конкретные жизненные обстоятельства, с которыми правовые нормы связывают наступление определенных юридических последствий, то договор порождает не только их, но и свои собственные отличные от указаний закона последствия. Более того, зачастую договор создает те отношения, относительно которых закон вообще не содержит указаний»²³.

Главное в договоре, как отмечает Б.И. Пугинский, «создание субъектами взаимных прав и обязанностей на основе согласованного волеизъявления, а вовсе не определение порядка исполнения правовых норм. Нормы о договоре играют в этом процессе в основном вспомогательную и дополняющую роль»²⁴.

Нельзя не согласиться с М.Ф. Казанцевым, полагающим, что «взгляд на договор, как на юридический факт мешает увидеть регулятивные свойства

---

²¹ Общая теория государства и права: Теория права. Академический курс в 2-х томах. Т. 2 / М.Н. Марченко [и др.]. М. : Зерцало, 1998. С.292.

²² Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования / Б.И. Пугинский. М. : ИКД "Зерцало-М", 2008. С.20.

²³ Корецкий А.Д. Теоретико-правовые основы учения о договоре : монография / А.Д. Корецкий; отв. ред. П.П. Баранов. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2001. С. 71.

²⁴ Пугинский Б.И. Указ.соч. С.21.

договора»²⁵.

Б.И. Пугинский также отмечает, что «юридический факт выражает совершившееся действие или событие. В противоположность этому юридико-фактические условия договора обращены в будущее, направлены на урегулирование предстоящей деятельности контрагентов»²⁶.

В своей более поздней работе профессор Б.И. Пугинский отстаивает точку зрения, согласно которой, «юридический факт – это теоретическая конструкция, созданная для объяснения нормативного регулирования. Она не применима к договорному регулированию, требующему от субъектов самостоятельной выработки взаимных прав и обязанностей»²⁷. Более того «трактовка договора как юридического факта... превратилась в одно из препятствий на пути познания сущности договора и потому требует преодоления»²⁸.

Трактовка договора как правоотношения не является распространенной в научной среде.

В свое время О.С. Иоффе отмечал, что для всестороннего ознакомления с сущностью договора он должен быть изучен и как юридический факт, и как правоотношение²⁹. При этом им же замечено, что проблема правоотношения – одна «из наименее разработанных проблем правовой науки»³⁰.

В современной литературе идея о соотношении понятий договор-правоотношение была высказана М.И. Брагинским³¹, при этом автор никак не обосновывает ее, используя понятие правоотношения как общепринятое.

В большинстве учебников по гражданскому праву договор также

---

²⁵ Казанцев М.Ф. Договорное регулирование. Цивилистическая концепция / М.Ф. Казанцев. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. С. 81.

²⁶ Егорова М.А. Прекращение обязательств вследствие прекращения действия правонаделительных актов / М.А. Егорова // Право и экономика. 2011. № 1. С. 31; № 2. С. 22.

²⁷ Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования / Б.И. Пугинский. М. : ИКД "Зерцало-М", 2008. С. 21.

²⁸ Там же. С. 24.

²⁹ Иоффе О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. М.: Юрид. лит., 1975. С. 24.

³⁰ Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории "хозяйственного права" / О.С. Иоффе; ред. кол.: В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнеев, Е.В. Кулагина, П.А. Панкратов, Е.А. Суханов (предисл.). М. : Статут, 2000. С.508.

³¹ Договорное право: Общие положения. Кн. 1 / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. - 2-е изд. М.: Статут, 2003. С. 450.

рассматривается и как юридический факт, и как правоотношение. При этом авторы либо рассматривают правоотношение через призму обязательства, анализируя основания возникновения и прекращения правоотношения, права и обязанности сторон, порядок их исполнения, основания изменения и прекращения правоотношений³², либо прямо отождествляют правоотношение с обязательством. В частности Л.А. Чеговадзе утверждает, что «обязательство – это гражданское правоотношение»³³.

Другие авторы, в частности Е.В. Коломенская отождествляют договор с обязательством. Она утверждает, что «договор представляет собой двустороннее обязательство, чаще всего каждая из сторон является кредитором и должником»³⁴.

Указанные позиции представляются не вполне обоснованными по следующим причинам.

По поводу соотношения договора и обязательства С.Ю. Филиппова обоснованно отмечает, что «договор может не только порождать обязательство, не отождествляясь с ним, но и вызывать к жизни товарищеские отношения (совместная деятельность по достижению общей цели), служить основанием перехода права собственности, не порождая обязательства (вещные договоры), определять порядок реализации прав (акционерное соглашение, соглашение о порядке пользования имуществом...), что делает неверным приравнивание договора к обязательству, сведение его к последнему»³⁵.

По поводу соотношения договора и правоотношения необходимо отметить следующее.

---

³² См. напр. Булатецкий Ю.Е. Торговое право : учебное пособие / Ю.Е. Булатецкий. М. : МЦФЭР, 2004. С. 389.; Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том II. Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. М. : Статут, 2011. С. 476.; Гражданское право России (часть 1): Курс лекций: Учебное пособие / под ред. А.А. Мохова – Волгоград., 2003; Гражданское право: Учебник. Т.1 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М. 2003; Учебник гражданского права. Часть 1 / Под общ. ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгалло, В.А. Плетнева. М., 1998 и др.

³³ Чеговадзе Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения : монография / Л.А. Чеговадзе. М. : Статут, 2004. С. 311.

³⁴ Коломенская Е.В. Функции договора в торговом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Коломенская Елена Владимировна. Москва, 2006. С.63.

³⁵ Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей / С.Ю. Филиппова. М. : Статут, 2011.

Во-первых, в отличие от правоотношения обязательство охватывает как договорные, так и внедоговорные области правового регулирования и авторы не обосновывают чем же они различаются.

Во-вторых, если обратиться к определению правоотношения, трактуемому в теории права как отношение урегулированное нормой права, то совершенно очевидно, что мы приходим к изложенному выше выводу, о том, что договор не может отождествляться с правоотношением, поскольку условия договора формируются сторонами и лишь в отдельных случаях должны соответствовать императивным установлениям закона.

Не согласен с данной точкой зрения и Б.И. Пугинский, по мнению которого «категория «правоотношение» по своей природе непригодна для объяснения договорных связей, создаваемых действиями людей, вырабатывающих условия договора и исполняющих договорные обязательства»³⁶.

Но, пожалуй, наиболее распространенным в научной среде является **обоснование сущности договора как сделки.**

Так, М.И. Брагинский указывает, что «договоры относятся к той разновидности юридических фактов, которая именуется сделками, а значит, представляют собой действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей»³⁷.

Такой же точки зрения придерживается В.А. Белов. «Договор представляет собой разновидность сделки – многостороннюю сделку. ...Понятие сделки, таким образом, является родовым по отношению к договору, а понятие договора – видовым по отношению к сделке. Договор – это вид сделки» – пишет автор³⁸.

---

³⁶ Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования / Б.И. Пугинский. М. : ИКД "Зерцало-М", 2008. С.41.

³⁷ Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2011. С. 356-357.

³⁸ Белов В. А. Гражданское право. Т. 2. Общая часть. Лица, блага, факты : учебник для бакалавров / В. А. Белов. М. : Издательство Юрайт, 2012. С. 680-681.

С ними согласны Б.В. Завидов и Ю.В. Рогова, утверждающие, что любой гражданско-правовой договор является сделкой. Любопытно, однако, что названные авторы, не оспаривают тезис, приводимый в опровержение их выводов, о том, что не все сделки являются договорами³⁹.

Представляется, что отождествление любого договора со сделкой также не имеет под собой прочного обоснования.

Если отталкиваться от понятия сделок как действий граждан и юридических лиц, направленные на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей (ст.153 ГК РФ), то, как обоснованно замечает С.Ю. Филиппова, «целый ряд договоров заключается в ситуации уже наличествующей связи между сторонами и уже существующими между сторонами взаимными правами и обязанностями...», в связи с чем представляется ошибочным широко распространенное в литературе мнение о том, что направленность на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей – неперенный признак договора». Таким образом, автор делает вывод о том, что «не все договоры выполняют функции сделок». Поэтому, заключает далее автор, «суждение: «некоторые договоры есть некоторые сделки», с точки зрения формальной логики является частным и не может быть положено в основу какой-либо теории договора или сделки»⁴⁰.

Кроме того, законодатель также разводит понятия «договор» и сделка», определяя сделку как **действие**, а договор как **соглашение**, направленные на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей.

Безусловно, определенная связь между договорами и сделками имеется. На это обстоятельство обращает внимание Б.И. Пугинский, указывая, что «в

---

³⁹ См.: Завидов Б.Д. Основные идеи, недочеты и новации общих положений о договоре [Электронный ресурс] / Б.Д. Завидов // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>; Рогова, Ю.В. Договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота / Ю.В. Рогова. М. : Статут, 2015. С. 37.

⁴⁰ Действительно, как отмечает автор, соглашение между собственниками о порядке пользования общим имуществом не порождает возникновение права общей собственности, лишь регламентирует ее осуществление, т.е. функции сделки вовсе не выполняет – не порождает, не изменяет и не прекращает прав и обязанностей. Такова же природа алиментных и акционерных соглашений и многих других. См.: Филиппова, С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей / С.Ю. Филиппова. М. : Статут, 2011. С.89.

силу пандектного порядка построения Общей части ГК РФ договор действительно может рассматриваться как один из видов сделок», но, отмечает он далее «сделка как действие, не требующее согласования и договор как совокупность действий, основанных на соглашениях и закрепляющих его, - это совершенно разные правовые феномены, которые не должны смешиваться», не случайно, отмечает автор «закон распространяет на договоры положения о двух- и многосторонних сделках (п.2 ст.420 ГК РФ), однако не содержит, да и не может содержать обратного правила – о распространении на сделки положений о договоре»⁴¹.

По тем же основаниям не полной является характеристика договора как документа. Как известно, договор не всегда оформляется документально, ГК РФ предусматривает возможность заключения договоров в устной форме, путем совершения конклюдентных действий.

Резюмируя изложенное, нельзя не отметить, что ни одна из приведенных категорий ни сама по себе, ни в совокупности, не раскрывают сущности договора, как самостоятельного, наряду с законом, регулятора общественных отношений, и, что не менее важно, теоретическое построение конструкции договора на их основе не отвечает на запросы практики.

Так, М.Л. Разу и И.В. Цветков отмечают, что «определение договора как правоотношения или юридического факта является для подавляющего большинства хозяйственных руководителей и специалистов чем-то абстрактным, оторванным от реальной жизни. А слова «договор» и «сделка» многие считают синонимами и не видят в них каких-либо различий, имеющих серьезное значение для практической деятельности»⁴². Добавим к этому, что ровно такие же проблемы нередко возникают и в правоприменительной деятельности судов.

Между тем, в отечественной литературе, как дореволюционной, так и

---

⁴¹ Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования / Б.И. Пугинский. М. : ИКД "Зерцало-М", 2008. С.26.

⁴² Разу М.Л. Договорная работа: организация, технология, управления. Учебно-практическое пособие / М.Л. Разу, И.В. Цветков. М. : ИД ФБК-Пресс, 2005. С.10.

современного периодов, многократно отмечалось регулятивное значение договора. Еще И.А. Покровский указывал: «Договор ... по самому своему назначению есть способ регулирования отношений между частными лицами»⁴³. Такое же суждение высказывала Р.О. Халфина, указывая, что «договор непосредственно регулирует поведение сторон»⁴⁴. По утверждению М.Н. Марченко, «можно считать общепризнанным и не подлежащим никакому сомнению взгляд на частный договор как на регулятор общественных отношений»⁴⁵. М.И. Брагинский пишет, что регулирующая роль договора сближает его с законом и нормативными актами⁴⁶.

Несколько дальше в определении регулирующей роли договора идет М.Ф. Казанцев, рассматривая его как правовой акт. Ученый указывает: «...будучи по своей юридической природе правовым актом, гражданско-правовой договор является регулятором общественных отношений (поведения) и в этом своем качестве стоит в одном понятийном ряду с законами, иными нормативными и ненормативными правовыми актами»⁴⁷.

Представляется не совсем верным отождествление закона и договора. Согласиться с автором в этой части можно лишь при условии распространения данного определения только на стороны договора, как это, в частности закреплено в ч. 1 ст.1134 Французского гражданского кодекса. Названной статьей предусмотрено, что «законно заключенные соглашения занимают место закона для тех, кто их заключил»⁴⁸.

Б.И. Пугинский, последовательный сторонник регулятивной роли договора, предостерегал и от причисления его к актам индивидуального

---

⁴³ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. М. : Статут, 2013. С.243.

⁴⁴ Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве / Р.О. Халфина; отв. ред. В.Н. Можейко. М. : Изд-во АН СССР, 1954. С.106.

⁴⁵ Марченко М.Н. Частно-правовой договор в механизме правового регулирования / М.Н. Марченко // Вестник Московского университета. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004, № 2. С.3.

⁴⁶ Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М.: Статут, 2011. С. 407.

⁴⁷ Казанцев М.Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Казанцев Михаил Федорович. Екатеринбург, 2008. С.56.

⁴⁸ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

правового регулирования, целью которых, как известно, является разрешение конкретной ситуации на основе норм права с элементами свободного усмотрения, осуществляемого судебными и административными органами. Как отмечает ученый, «договор является не разновидностью правовых норм, а средством достижения его участниками избранной цели»⁴⁹.

Можно также согласиться с подходом Б.И. Пугинского, позволяющего рассматривать договор в частном праве как два различных объекта: 1) договор как правовой институт, т.е. совокупность правовых норм, регламентирующих заключение, определение содержания, исполнение договорных обязательств и др.; 2) договор как правовое средство регулирования деятельности его участников. При этом важно понимать соотношение законодательства о договоре и договора как правового средства⁵⁰.

Ученый отмечает несколько принципиально важных моментов для понимания их соотношения. Во-первых, правовые средства не обязательно должны быть зафиксированы догмой (нормами) права. К примеру, в отношении условий договора такое фиксирование предусмотрено лишь в виде случая (п.4 ст.421 ГК РФ), в основном же содержание договора вырабатывается по усмотрению сторон. Во-вторых, правовые нормы являются средствами государственного регулирования общественной жизни, их применение является государственной функцией и осуществляется государственными правоприменительными органами и должностными лицами. Действия же адресатов правовых норм (граждан и организаций) по их исполнению не являются применением правовых средств. Таким образом, нормы права, являющиеся правовым средством для законодателя, перестают быть таковыми при обращении к исполнителю. В свою очередь, частные договоры и иные частноправовые средства, выработанные для применения во взаимоотношениях равноправных субъектов, уже не имеют отношения к законодательной деятельности государства. Таким образом, законодательные установления о

---

⁴⁹ Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования / Б.И. Пугинский. М. : ИКД "Зерцало-М", 2008. С.44, 184.

⁵⁰ Там же. С. 200.

договоре рассчитаны на его конструирование как целостного правового образования. Средством же правового регулирования в руках субъектов служит договор как таковой, а вовсе не отдельные нормы о договоре⁵¹.

Данный подход разделяет и С.Ю. Филиппова, предлагая следующее определение правовых средств: «Правовые средства – это не противоречащие правовым нормам инструменты, предназначенные, пригодные и достаточные для достижения правовой цели»⁵².

Действительно, в рыночной экономике договор является одним из основных способов регулирования экономических связей. Их участники по своему усмотрению определяют направления и порядок использования имущества: самостоятельно организуют производство и сбыт своей продукции (товаров, работ, услуг) путем заключения и исполнения договоров, условия которых в большинстве случаев определяют самостоятельно с учетом своих интересов и складывающейся экономической ситуации. Гражданско-правовой договор дает возможность участникам свободно согласовать свои интересы и цели и определять необходимые действия по их достижению. Вместе с тем, договор всегда опирается на силу допустившего его закона, т.е. на силу публичной власти, при необходимости обеспечивающую его принудительную реализацию.

1.2 Договор как правовое средство регулирования экономических отношений. Проблемы договорного регулирования

Несмотря на разнообразие теоретических подходов к определению договора, в литературе практически единодушно отмечается возрастание роли договора в регулировании экономических отношений.

Однако, как справедливо замечает И.В. Цветков, отечественная правовая наука ограничивается общими рассуждениями и декларациями о роли договора

---

⁵¹ См. об этом: Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования / Б.И. Пугинский. – М. : ИКД "Зерцало-М", 2008. С.177-197.

⁵² Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей / С.Ю. Филиппова. М. : Статут, 2011. С.53.

«как универсального средства, обеспечивающего налаженность, организованность и стабильность в сфере экономических отношений»⁵³.

Действительно, среди сотен работ, посвященных договору, лишь единичные работы уже упоминавшихся авторов (Пугинский Б.И., Филиппова С.Ю., Цветков И.В. др.) посвящены исследованию договора как комплексного явления: как правового института и как правового средства регулирования деятельности его участников.

Совершенно очевидно, что недостаточно рассматривать договор только как правовую форму, опосредующую разнообразные хозяйственные связи, не затрагивая при этом его макроэкономическую составляющую. М.И. Кулагин по этому поводу отмечал, что институт договора используется не только в качестве юридической формы обмена, но и как правовой инструмент организации рыночного хозяйства, опосредующий процессы концентрации капитала и производства⁵⁴.

О двойственной природе и назначении договора писал и С.А. Хохлов, отмечавший, что «договор призван быть не только формальным правовым основанием установления хозяйственных связей. Он обладает регулятивными свойствами, которые следует использовать в процессе организации хозяйственных связей и управления производством»⁵⁵.

Общая методология исследования предполагает, что познание любого объекта невозможно без уяснения его функций. В самом общем виде функция рассматриваются как назначение и смысл существования системно организованных объектов⁵⁶.

В.А. Семеусов отмечает, что функциональный анализ гражданско-правового договора позволяет более полно показать генезис последнего,

---

⁵³ Цветков И.В. Договорная дисциплина в хозяйственной деятельности предприятия: теория и практика / И.В. Цветков. М. : Книжный мир, 2006. С.7.

⁵⁴ Кулагин М.И. Избранные труды / М.И. Кулагин; ред. кол.: В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнеев, Е.В. Кулагина, П.А. Панкратов, Е.А. Суханов (предисл.). М. : Статут, 1997. С.2.

⁵⁵ Хохлов С.А. Договорная работа: учебное пособие / С.А. Хохлов. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1986. С. 9.

⁵⁶ См. об этом: Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э. Г. Юдин; Сост., предисл., библиография А. П. Огурцова, В. Г. Юдина. М. : Едиториал УРСС, 1997.

проследить соотношение тенденций его развития с общими тенденциями развития общества, помогает выявить существенные свойства договора, через познание функций раскрыть место и роль договора в хозяйственном механизме экономики⁵⁷.

Как справедливо отмечается в литературе, договор выполняет множество разнообразных функций, как правового, так и экономического характера.

В странах общего права договор выполняет три функции: социальной институции, механизма экономического обмена и источника права⁵⁸.

В странах континентального права, в том числе и в России, где договор не является источником права, в качестве общих функций договора Б.И. Пугинский выделяет две группы функций: правовые и экономические. К экономическим функциям относятся: организация товарного обмена, способствование созданию и увеличению общественного богатства, распределение созданного богатства и управление им. К правовым функциям относятся: установление правовой связи между субъектами, определение и фиксирование общей цели участников, общее определение предмета договора, правовая регламентация действий сторон, содействие обеспечению и охране прав и законных интересов участников договора, обеспечение сбалансированности производства и потребления товаров, планирование деятельности предпринимательских организаций⁵⁹.

Важно отметить, что понимание договора как самостоятельного (наряду с законом) правового средства регулирования отношений в сфере экономики, не подменяет и не отменяет законодательных установлений о договоре, а позволяет глубже уяснить природу договора как комплексного объекта, не ограничиваясь лишь изучением правовых норм о договоре⁶⁰. Объем

---

⁵⁷ Семенузов В.А. О понятии функции хозяйственного договора / В.А. Семенузов // Хозяйственный механизм и право. Сборник научных трудов. Устинов : Изд-во Удм. ун-та, 1985. С.104.

⁵⁸ Осаке К. Экономико-философская интерпретация договора в англо-американском общем праве: либеральная теория договора / К. Осаке // Журнал российского права. М.: Норма, 2004, № 9. С.91.

⁵⁹ См. об этом: Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования / Б.И. Пугинский. М. : ИКД "Зерцало-М", 2008. С.101-107.

⁶⁰ Как справедливо заметила по этому поводу С.Ю. Филиппова, анализ положений большей части работ, посвященных договору, приводит к выводу, что используемая в них методология по-прежнему позволяет тщательно исследовать лишь нормы права о договоре, но не договор как комплексное явление. См.: Филиппова

субъективных прав и юридических обязанностей сторон в договоре не тождественен содержанию договорных институтов, он всегда значительно шире и в решающей степени зависит от усмотрения сторон⁶¹. Ряд присущих договору функций, таких как планирование и организация деятельности субъектов экономического рынка, обеспечение сбалансированности производства и потребления и ряд других, никоим образом не могут быть урегулированы нормами права. Вместе с тем, целый ряд перечисленных выше функций невозможно реализовать без соответствующего нормативного обеспечения.

Именно по этой причине Б.И. Пугинский в числе факторов, создающих регулятивный потенциал договора, наряду с согласованным волеизъявлением сторон, проистекающем из провозглашенного законом принципа свободы договора, называет такие факторы, как обеспечение государством судебной защиты устанавливаемых договором субъективных прав и обязанностей и возможности принуждения к исполнению договорных обязательств⁶².

Инструментарий правового воздействия, отмечает Ю.Г. Басин, «значительно богаче юридических норм и содержит также иные средства регулирования. Все они опираются, разумеется, на нормативно-правовую основу как необходимую исходную базу, но не сливаются с ней»⁶³.

Возобладавший в отечественной цивилистике подход к договору как к нормативной конструкции, стороны которой обязаны руководствоваться в своих действиях исключительно нормами законодательства, образующими соответствующий договорный институт, порождает многочисленные проблемы в договорно-правовом регулировании.

Основной проблемой на наш взгляд является не всегда обоснованное

С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей / С.Ю. Филиппова. М. : Статут, 2011. С.85.

⁶¹ Как отмечает Б.И. Пугинский, ненормированные условия, определяемые интересами и реальными возможностями самих субъектов, образуют наиболее значимую часть в содержании договора, достигая более 4/5 его объема. См.: Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования / Б.И. Пугинский. М. : ИКД "Зерцало-М", 2008. С.186.

⁶² Там же. С.47.

⁶³ Басин Ю.Г. Хозяйственный механизм и борьба с гражданскими правонарушениями / Ю.Г. Басин // Совершенствование правовых средств борьбы с гражданскими правонарушениями. Алма-Ата; 1984. С.3.

ограничение свободы договора, как на уровне законодательных установлений, так и на уровне правоприменительной практики.

Прежде чем приступить к существу вопроса необходимо некоторое терминологическое уточнение. По мнению Ю.В. Роговой свобода гражданско-правового договора и свобода гражданско-правового регулирования понятия абсолютно идентичные по объему и содержанию, а термины, обозначающие эти понятия, - синонимы, хотя последний термин представляется более точным, так как, свобода, прежде всего, применима к действиям⁶⁴. Согласимся с мнением автора, и в дальнейшем будем использовать оба термина как равнозначные в зависимости от контекста.

Как отмечает Е.Н. Танага, закрепленный статьей 421 ГК РФ принцип свободы договора основывается на конституционных принципах, таких как свобода экономической деятельности, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, а также тесно связан с другими принципами гражданского права: юридическим равенством и автономией воли субъектов гражданского права, беспрепятственным осуществлением гражданских прав, недопустимостью произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (п. 1, 2 ст.1 ГК РФ). Таким образом, принцип свободы договора, с одной стороны является логическим продолжением конституционных основ, с другой стороны имеет собственное содержание и правоприменительное значение⁶⁵.

В литературе традиционно выделяют три основных начала, составляющих свободу договорного регулирования:

1) Свобода в сфере заключения и отказа от заключения договора с определенным лицом практически сводится к принципу недопустимости понуждения кого бы то ни было к заключению договора, если только обязанность заключить договор не предусмотрена договором или добровольно принятым на себя обязательством (п.1 ст.421 ГК РФ).

---

⁶⁴ Рогова Ю.В. Договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота / Ю.В. Рогова. М. : Статут, 2015. С. 56.

⁶⁵ Танага А.Н. Принцип свободы договора в гражданском праве России / А.Н. Танага. С.-Пб. : Юрид. центр Пресс, 2003. С. 31-36.

2) Свобода в определении (выборе) типа договора выражается в том, что всякое частное лицо вправе заключать любые договоры, не противоречащие законам и иным правовым актам, независимо от того, предусмотрен такой договор законом или нет (п. 2 ст. 421 ГК РФ), в том числе так называемые смешанные договоры, т.е. содержащие элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (п. 3 ст. 421 ГК РФ).

3) Свобода в определении содержания договора, т.е. возможность частных лиц самостоятельно определить условия договора кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иным правовым актом (п. 4 ст. 421 ГК РФ). В.А. Белов рассматривает эту составляющую свободы договора как «свободу подвергнуть частное отношение с собственным участием своему же автономному, инициативному (если угодно – творческому) правовому регулированию, свобода проявить фантазию в том, каким же нормам и правилам (наряду с законодательными, подзаконными, судебными, административными и обычными) будут подчиняться эти отношения. Источником такого регулирования и будет заключенный ими договор, содержание (условия) которого частные лица определяют по своему усмотрению, исходя из содержания и целей сложившихся между ними отношений, из собственных интересов, потребностей и возможностей»⁶⁶.

Как отмечает С.С. Вилкин, этот аспект рассматривается как наиважнейший внутри общего начала правового регулирования, прежде всего потому, что его законодательное закрепление означает не что иное, как признание «за частными лицами права создавать нормы за счет расширения содержания классического понятия автономии до независимой от государства социальной власти»⁶⁷

Но свобода договора, как и любая другая свобода, не может быть безграничной. Во всех существующих правовых порядках устанавливаются те или

---

⁶⁶ Белов В.А. Перспективы развития общего понятия договора и принципа свободы договора в российском частном праве / В.А. Белов; отв. ред. М.А.Рожкова // Свобода договора: Сборник статей. М. : Статут, 2016. С. 304.

⁶⁷ Вилкин С.С. О нормативной теории решения органа юридического лица / С.С. Вилкин // Вестник гражданского права. Научный журнал. М.: ООО "Издат. дом В. Ема", 2008. Т. 8, № 2. С.53.

иные ограничения договорной свободы, обусловленные различными аспектами морального, этического, экономического, политического, социального характера.

Как отмечает М.И. Брагинский, «предусмотренные законом модели ограничения свободы договора преследуют одну из трех целей: защита слабой стороны договора, защита интересов кредиторов либо защита публичных интересов (государства, общества)»⁶⁸. Сходные предпосылки для ограничения свободы договора выделяют и представители зарубежной науки.

В развитых правовых системах принято выделять две основные модели ограничения свободы договорного регулирования – пассивную и активную⁶⁹.

Первая из них состоит в установлении государством императивных норм, вводящих прямые запреты, или позитивных предписаний, из которых такие запреты недвусмысленно вытекают⁷⁰. А.Г. Карапетов и А.И. Савельев указывают, что в рамках такой модели государство минимизирует роль конкретного суда, разбирающего спор. Суд всего лишь соотносит содержание определенного договора с правовыми нормами, регулирующими данные отношения, и признает весь договор или отдельное его условие недействительными или иным образом не приводит волю сторон в исполнение. Данную модель авторы называют *ex ante* (*ex ante* - предполагаемый, ожидаемый (лат.)) моделью ограничения договорной свободы⁷¹.

Вторая модель ограничения свободы договора, именуемая как *ex post* контроль договорной свободы (*ex post* - после того, как нечто произошло; после того, как действие совершено (лат.)), предусматривает активную роль суда в контроле за законностью контрактных условий. На уровне закона или

---

⁶⁸ Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2011. С. 306.

⁶⁹Рогова Ю.В. К вопросу о моделях ограничения свободы договорного регулирования в гражданском законодательстве / Ю.В. Рогова // Вестник арбитражной практики. 2013. № 1. С.5.

⁷⁰К таковым можно отнести конструкцию публичного договора (ст.426 ГК РФ); договора присоединения (ст. 428 ГК РФ); нормы, устанавливающие преимущественное право на заключение различных договоров (ст.ст. 93, 250, 621, 684 ГК РФ); нормы о принудительном выкупе отдельных объектов (ст.ст. 238-241, 293 ГК РФ); об обязательном заключении контрактов (п. 5 ст. 528 ГК РФ) и множество других.

⁷¹ Карапетов А.Г. Свобода договора и ее пределы. Т.2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве / А.Г. Карапетов, А.И. Савельев. М. : Статут, 2012. С. 267.

прецедентной практики закрепляются общие оценочные стандарты (принципы), (добросовестность, нравственность, справедливость, мораль, публичный порядок, кабальность и др.), которым сделка и ее условия должны соответствовать и судам фактически делегируется основная доля оценки соответствия конкретных договорных условий этим оценочным стандартам.⁷²

Именно эта модель реализуется сейчас практически во всех западных странах, в которых суды формируют обширную практику по отказу в приведении в исполнение условий, противоречащих таким закрепленным в законе оценочным стандартам, как добросовестность, добрые нравы, публичный порядок, справедливость и т.п.

В российском правопорядке преимущественно реализуется первая модель ограничения свободы договорного регулирования – контроль законности контрактных соглашений осуществляется путем установления императивных норм.

Под императивными нормами традиционно понимаются нормы, которые стороны не могут исключить или изменить путем согласования иного в договоре. Соглашения сторон, заключенные в противоречие с императивными нормами закона, недопустимы и по общему правилу влекут недействительность сделки в части или в целом, а в некоторых случаях – публично-правовые санкции.

Императивным нормам противостоят нормы диспозитивные, задача которых состоит в установлении правового регулирования на случай умолчания сторон договора.

В континентально-европейском праве утвердилось понимание того, что все нормы кодексов, касающиеся договора, должны презюмироваться диспозитивными, если иное не вытекает из прямого указания в самой норме или толкования ее смысла и целей.

Как отмечает А. Гарро, «принцип свободы договора имеет такую явную

---

⁷²См. об этом: Карапетов А.Г. Свобода договора и ее пределы. Т.2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве / А.Г. Карапетов, А.И. Савельев. М. : Статут, 2012. С. 268.

силу, что, по крайней мере, в части обязательственного права специально диспозитивность нормы в европейском договорном праве даже не принято упоминать – она подразумевается по общему правилу»⁷³.

В Российском гражданском кодексе подавляющее большинство норм в сфере договорного регулирования являются императивными⁷⁴, при этом установленные ограничения зачастую носят излишний характер, что практически сводит на нет инициативу и свободу субъектов экономического оборота в установлении желаемых или необходимых условий договора.

При этом и научная доктрина, и судебная практика демонстрируют сугубо механистический подход к квалификации нормы: если норма не содержит положения о праве сторон предусмотреть в договоре иное, значит она императивная. Такой подход, является доминирующим в отечественной цивилистике.

Так, Е.А. Суханов считает, что «в случае сомнения в юридической природе конкретной гражданско-правовой нормы следует исходить из ее императивного характера, ибо диспозитивность должна быть прямо, недвусмысленно выражена в ней»⁷⁵.

Аналогичной позиции придерживается М.И. Брагинский, полагающий, что норма является диспозитивной в случае наличия прямого указания в ней на право сторон оговорить иное и, наоборот, является, безусловно, императивной, если она «не имеет внешней атрибутики» и, в частности, не содержит прямой ссылки на возможность предусмотреть в договоре иное⁷⁶. О том, что принятая методика выделения диспозитивных норм «основывается на презумпции

---

⁷³ Цит. по: Карапетов А.Г. Практика применения арбитражными судами Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» / А.Г. Карапетов, Е.М. Фетисова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 12. С. 146.

⁷⁴ В качестве иллюстрации беспрецедентного числа императивных норм в договорном праве, в литературе часто ссылаются на М.И. Брагинского, который подсчитал, что в ГК РФ в составе норм, регулирующих отдельные виды договоров, оказалось 1600 императивных и только 200 диспозитивных норм. См.: Брагинский, М.И. О нормативном регулировании договоров // М.И. Брагинский // Журнал российского права. 1997, № 1. С.72.

⁷⁵ Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том II. Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. С.63;

⁷⁶ Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М.: Статут, 2011. С. 708.

императивности», писал и С.А. Хохлов, сам достаточно критично оценивающий последствия этой господствующей методологии⁷⁷.

Серьезную обеспокоенность вызывает настойчивое желание научной доктрины сохранить существующий «статус-кво» в вопросе интерпретации императивных норм. В этом смысле показательной является трактовка положений ст.782 ГК РФ, дающей сторонам договора возмездного оказания услуг право на безусловный отказ от договора и определяющей последствия такого отказа и не содержащей положения о праве сторон оговорить иные последствия. И представителями цивилистической науки и судебной практикой норма указанной статьи рассматривались как безусловно императивная. В постановлении Президиума ВАС РФ от 7 сентября 2010 г. N 2715/10 суд подтвердил императивную квалификацию данной нормы и в связи с этим без каких-либо сомнений признал недействительным условие о выплате согласованной в договоре между коммерсантами компенсации за отказ от договора. Более того, суды признавали ничтожными даже условия о том, что контрагент должен быть предупрежден об отказе от договора за 30 дней⁷⁸.

Лишь с принятием Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» нормы ст.782 ГК РФ наконец-то обоснованно были истолкованы как диспозитивные и тем самым не исключающие возможности сторон определить иные последствия отказа от договора (например, полное возмещение убытков при отказе от договора как исполнителя, так и заказчика)⁷⁹. Уже появились, правда единичные, решения нижестоящих судов, признающих допустимость включения в договор согласованных условий о выплате компенсации за немотивированный отказ от

---

⁷⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель. Ч. 2 / ред. кол.: С.С. Алексеев (Предисл.), М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Ю.Х. Калмыков, О.М. Козырь, А.С. Комаров, А.Л. Маковский, Е.А. Суханов, Ю.К. Толстой, С.А. Хохлов, И.Г. Цыганенко, О.Ю. Шилов, В.Ф. Яковлев. М. : Изд-во Междунар. центра финансово-эконом. развития, 1996. С.235-236.

⁷⁸ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 03.02.2010 по делу № А82-3770/2009-8 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

⁷⁹ О свободе договора и ее пределах [Электронный ресурс] : Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

исполнения договора⁸⁰, а представители науки продолжают настаивать на императивной природе норм о договоре услуг⁸¹.

Как отметил А.Г. Карапетов: «До тех пор, пока законодатель или ВАС РФ прямо и недвусмысленно не указали на то, что императивная квалификация нормы не predeterminedена отсутствием в ней фразы о праве сторон оговорить иное, ситуация в судах нижестоящих будет меняться крайне медленно»⁸².

Действительно, как показывает судебная практика, судьи применяют лишь те положения Пленума, где дается разъяснение по конкретным статьям ГК РФ.

Указанное Постановление Пленума ВАС РФ, безусловно, является попыткой изменить практику квалификации норм на императивные и диспозитивные. Согласно пунктам 2 и 4, если норма не содержит явно выраженного запрета согласовать иное и отсутствуют критерии императивности нормы, определяющей согласовать иное и отсутствуют критерии императивности нормы, определяющей права и обязанности сторон договора, такую норму суд должен толковать в качестве диспозитивной.

Если же норма выражена как явный законодательный запрет или из ее текста иным образом недвусмысленно вытекает невозможность согласовать иное, норма считается однозначно императивной (п.3 Постановления).

Кроме того, пунктами 2-4 Постановления предусмотрено, что диспозитивная или императивная природа норм, определяющих права и обязанности сторон договора, в случае отсутствия в них прямого указания на их характер определяется судом путем толкования их целей. Устанавливается, что описывающие права и обязанности сторон договора нормы, которые не

---

⁸⁰ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.09.2015 по делу № А56-81284/2014 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

⁸¹ Так, В.В. Витрянский, отвечая на вопрос о возможности предусмотреть в договоре возмездного оказания услуг выплаты компенсации за немотивированный отказ от договора, предусмотренной ст. 310 ГК РФ, отметил, что это невозможно в силу безусловной императивности норм ст. 782 ГК РФ. См.: Витрянский В.В. Общие положения о договоре в условиях реформирования гражданского законодательства / В.В. Витрянский // Хозяйство и право. М., 2012. № 4. С. 4.

⁸² Карапетов А.Г. Свобода договора и ее пределы. Т.2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве / А.Г. Карапетов, А.И. Савельев. М. : Статут, 2012. С. 206.

содержат прямого текстуального атрибута императивности или диспозитивности, не являются однозначно императивными, как это было принято считать в советском праве. Вместо этого суды ориентируются на выведение природы такой нормы из ее целевого (телеологического) толкования⁸³.

Однако юридическое сообщество с определенной долей пессимизма относится к перспективам применения указанного постановления. Так, В.А. Белов, указывает, что оно «не стало толчком к изменению отношения науки и (главное!) практики к пониманию и применению начала свободы договора», отмечая далее, что практика арбитражных судов акцентировала внимание только на п.п. 5-11 этого документа, содержащих разъяснения о применении конкретных статей ГК РФ, а первых 4-х предпочла не заметить⁸⁴.

Такое же суждение высказывает Ю.В. Рогова, замечая, что не следует надеяться на то, что в период реформирования судебной системы все суды, ее составляющие, одновременно примут основные положения данного Постановления, и пока широко распространенной остается теория, согласно которой только прямое указание на право сторон оговорить иное делает норму диспозитивной⁸⁵.

В литературе отмечают недостатки отечественной модели регулирования *ex ante*. Так, О.А. Слепенкова Ю.В. Рогова, А.Г. Карапетов, А.И. Савельев и др. указывает, что чаще всего императивные нормы являются избыточными и подводят под ограничение как те условия, которые действительно стоит запретить, так и те, применительно к которым ограничение неоправданно. Кроме того, как обоснованно отмечают авторы, законодателю невозможно предусмотреть все возможные случаи

---

⁸³ Карапетов А.Г., Комментарий к нормам ГК РФ об отдельных видах договоров в контексте Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» / А.Г. Карапетов, Р.С. Бевзенко // Вестник ВАС РФ. 2014. № 8. С. 10-11. ; № 9. С. 7-8.

⁸⁴ Белов В.А. Перспективы развития общего понятия договора и принципа свободы договора в российском частном праве / В.А. Белов; отв. ред. М.А. Рожкова // Свобода договора: Сборник статей. М. : Статут, 2016. С. 298.

⁸⁵ Рогова Ю.В. К вопросу о моделях ограничения свободы договорного регулирования в гражданском законодательстве / Ю.В. Рогова // Вестник арбитражной практики. 2013. № 1. С. 7.

злоупотребления правом⁸⁶.

Как отмечает В.В. Витрянский, уже сейчас в тексте отечественного Гражданского кодекса почти половина норм (более 660 статей из 1551) посвящена непосредственно договорам: общим положениям о гражданско-правовом договоре и отдельным видам договорных обязательств. Он полагает, что данное обстоятельство бесспорно демонстрирует тенденцию возрастания роли договора в экономике, столь ярко выраженную в Кодексе⁸⁷.

С таким выводом не согласен В.А. Белов. По его мнению, наличие огромного количества договорных видов в российском законодательстве (около сотни с учетом федеральных законов) нивелирует свободу договорного регулирования. Он отмечает, что абстрактный принцип свободы договора и практикой, и наукой понимается **существенно иначе**, чем в преломлении конкретных ситуаций. Если теоретически свобода договора ограничивается только **императивными запретами положительного закона**, то как только заходит речь о **конкретном договоре**, это понимание свободы куда-то немедленно улетучивается, а его место занимает совсем другое: **договор должен быть таким, чтобы его можно было подвести под нормы о договорном типе, который известен закону**. В тех же случаях, когда это не удастся сделать, договоры в целом или их отдельные элементы объявляются не соответствующими тем законоположениям, которые суд посчитал в данном случае применимыми, и, стало быть, рассматриваются как недействительные (ничтожные). Таким образом, многочисленные отдельные виды договоров, материал о которых содержится в нормах позитивного права выполняют роль **примеров** для частных лиц, судебных и иных правоохранительных органов. Свобода договора при этом возможна только в пределах, очерченных нормами

---

⁸⁶ См.: Слепенкова О.А. Ограничения принципа свободы договора: законодательство и позиция судов / О.А. Слепенкова // Цивилист. Научно-практический журнал. М. : АНО "Юридические программы", 2008, № 4. С.49; Рогова Ю.В. К вопросу о моделях ограничения свободы договорного регулирования в гражданском законодательстве / Ю.В. Рогова // Вестник арбитражной практики. 2013. № 1. С. 7.; Карапетов А.Г. Свобода договора и ее пределы. Т.2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве / А.Г. Карапетов, А.И. Савельев. М. : Статут, 2012. С. 304.

⁸⁷ Витрянский В.В. Общие положения о договоре в условиях реформирования гражданского законодательства / В.В. Витрянский // Хозяйство и право. М., 2012. № 4. С.5.

закона об отдельных видах договоров⁸⁸.

---

⁸⁸ Белов В.А. Перспективы развития общего понятия договора и принципа свободы договора в российском частном праве / В.А. Белов; отв. ред. М.А. Рожкова // Свобода договора: Сборник статей. М. : Статут, 2016. С. 239.

2 Судебное расторжение предпринимательского договора

2.1 Основания и процедура расторжения договора в судебном порядке

Как было отмечено выше, договор представляет собой самостоятельный регулятор жизни гражданского общества. В каждом конкретном случае универсальные возможности договора раскрываются исходя из деловой активности участников договорных взаимоотношений, их правовой культуры.

Согласование воле происходит по многим аспектам договора, как порождающим (выбор контрагента, согласование предмета, выбор способа исполнения обязательства и др.), правоизменяющим (возможность замены лиц в обязательстве – цессия и др.), так и правопрекращающим (расторжение договора). В данном контексте свобода усмотрения сторон предусмотрена статьей 421 ГК РФ (свобода договора). Однако, из содержания указанной нормы прямо не следует, что стороны свободны в расторжении договора, несмотря на то, что, как было сказано ранее, договор является средством правового регулирования хозяйственных отношений сторон. Отсюда следует, что норма статьи 421 ГК РФ направлена на установление лишь позитивных условий в договоре в свете сохранения стабильности гражданского оборота.

А ведь даже самые прочные договорные отношения нуждаются в корректировке в силу разных причин. По утверждению Е.Г. Комиссаровой «положительный эффект для участников экономического оборота может оказаться выше не столько от факта сохранения договорных отношений, сколько от факта их досрочного прекращения»⁸⁹. Предоставленная сторонам возможность изменить или расторгнуть договор – это своего рода «спасательный круг» для претерпевших неудачу договорных отношений.

Дискуссионные вопросы, относящиеся к процедуре расторжения договора в большинстве случаев сводятся к нахождению ответов на вопросы о

---

⁸⁹ Комиссарова Е.Г. Отказ от договора в ряду иных действий, направленных на его прекращение / Е.Г. Комиссарова // Цивилист. 2011. № 2. С. 56-61.

выборе того или иного механизма расторжения (будь то судебное расторжение, или отказ от договора), а также об установлении момента, с наступлением которого договор считается расторгнутым.

Вопрос о выборе оптимального механизма расторжения в большинстве стран мира является основанием для серьезных дискуссионных размышлений.

Современные представления о механизмах расторжения договора в ответ на его нарушение представлены следующими видами:

1) расторжение договора в судебном порядке (получение судебного решения, подтверждающего выход из договора);

2) односторонний отказ от договора (договор прекращается в результате одностороннего волеизъявления пострадавшей стороны);

3) автоматическое прекращение договора при наступлении определенного условия (в случае нарушения).

Последний механизм на законодательном уровне ни в одной стране мира не встречается, его выделение условное, возникло на уровне теоретических представлений.

Проблема применения того или иного механизма расторжения договора является актуальной для всех без исключения правовых семей.

В основном правопорядки ищут консенсус между судебным расторжением и односторонним отказом от договора. При выборе того или иного механизма и его законодательного закрепления развитые страны, как правило, исходят из приоритетных ценностей.

Как обоснованно отмечает А.Г. Карапетов, с одной стороны, «правило судебного расторжения в большей степени реализует ценности стабильности договорных отношений и недопустимости произвольных и непропорциональных тяжести нарушения «оперативных» санкций, способных в случае злоупотребления ими со стороны кредитора существенно нарушить

предсказуемость оборота и несоразмерно ущемить интересы нарушителя»⁹⁰. Однако, с другой стороны, подобное «ценностное ориентирование» сторонников доктрины судебного расторжения нарушенного договора сводится лишь к утилитарным представлениям о необходимости сохранения стабильности гражданского оборота, недопустимости создания условий для злоупотребления правом со стороны кредитора. При этом, полагаем, что не учитываются ни сложившиеся экономические условия, ни потребности сторон (в первую очередь кредитора).

В России в советское время доминировал судебный порядок расторжения договора. Данный механизм себя оправдывал в связи с тем, что «хрупкость» договорных связей и легкость выхода из договорных отношений не вписывалась в представления о плановой экономике и прочности контрактных административных связей между предприятиями, поэтому расторгать договор можно было только в судебном порядке⁹¹.

С принятием части первой Гражданского кодекса Российской Федерации в 1994 году произошла автоматическая рецепция положений советского законодательства в отношении норм, касающихся расторжения договора. Статьей 450 ГК РФ судебный порядок расторжения договора закреплен в качестве основного.

Стоит обратить внимание, что против данного положения в литературе выдвигались разные аргументы. Так, например, А.С. Комаров указывает, что механизм судебного расторжения тормозит развитие коммерческого оборота, активность участников понижается, что свидетельствует об экономической нецелесообразности применения данной процедуры⁹².

Для юристов развитых западных стран само предположение о возможности прибегнуть к судебному расторжению вызывает недоумение, ведь

---

⁹⁰ Карапетов А.Г. Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Карапетов Артем Георгиевич. Москва, 2011. С. 22.

⁹¹ Там же. С. 115-116.

⁹² Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте / А.С. Комаров. М. : Юридическая литература, 1991. С. 94.

«в континентально-европейском праве утвердилось понимание того, что все нормы кодексов, касающиеся договора, должны презюмироваться диспозитивными, если иное не вытекает из прямого указания в самой норме или толкования ее смысла и целей»⁹³.

Думается, именно наличие диспозитивных норм в правовом регулировании договорных отношений помогает сторонам отступить от директивных установлений закона, путем совместного согласования договорных положений, а также устранять пробелы, возникшие при непосредственном исполнении обязательств, путем изменения существующих договоренностей⁹⁴.

Современные западные правовые порядки отдают предпочтение одностороннему отказу. В России же, с момента принятия ГК РФ и до настоящего времени, правило судебного расторжения сохранило доминирующую позицию. Попытки изменить сложившееся положение при реформировании гражданского законодательства не дали результата. Включение в ГК РФ в 2015 году статьи 450.1, регламентирующей односторонний отказ от договора, не предопределило переход к распространенному в зарубежных правовых порядках механизму одностороннего отказа от договора. Судебная процедура закреплена статьей 450 ГК РФ в качестве общего правила расторжения договора.

В качестве основания для применения судебного порядка расторжения договора в ГК РФ названо существенное нарушение одной из сторон обязательств по договору.

Говоря о режиме расторжения нарушенного договора, безусловно, должно быть нарушение. Нарушение бывает разным: это может быть и текущая просрочка – непогашенный долг; и просрочка, имевшая место, но завершившаяся, когда сторона долго не исполняла обязательство, но потом

---

⁹³ Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах : монография / отв. ред. В.В. Долинская. М. : Проспект, 2018. С. 109.

⁹⁴ Карапетов А.Г. Практика применения арбитражными судами Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» / А.Г. Карапетов, Е.М. Фетисова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 12. С. 146-191.

исполнила; это может быть и исполнение, но с иными дефектами; это может быть нарушение негативных обязательств, то есть совершение действий, которые контрагенту запрещено было совершать в силу принятых негативных обязательств (не разглашать, не конкурировать, не работать с теми или иными лицами, не проводить реорганизации и т.д.). Таким образом, нарушения могут быть разными.

Нарушение должно быть зафиксировано. Однако, возникает вопрос, всякое ли нарушение дает право на расторжение нарушенного договора? Безусловно, не любое. Если бы можно было расторгать договор, прикрываясь малейшими нарушениями, «жизнь» договора стала бы очень хрупкой, нестабильной, нецелесообразно было бы тогда вообще вступать в договорные отношения, такая ситуация бы дестабилизировала оборот, и оказалась бы крайне деструктивной для развития рыночных отношений, поэтому ни в одной стране мира нет такого режима, при котором договор можно расторгать при малейшем нарушении.

Все страны пытаются найти какой-то баланс интересов. В некоторых странах пришли к следующему: если договор нарушается, пострадавший должен дать нарушителю разумный срок на устранение нарушения, если и после этого дополнительного разумного срока сторона не устраняет нарушение, можно отказаться от договора (Германия)⁹⁵.

Другие государства пришли к выводу, что сторона может отказаться от договора, если нарушение существенное, а при оценке этой существенности можно учитывать много разных обстоятельств. Как видим, обязанности предоставления некоего письма, устанавливающего дополнительный срок для устранения нарушения, в данном режиме нет (Англия, США). Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980) (далее – Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров) скомбинировала немецкий

---

⁹⁵ Ялилова А.Р. Институт Nachfrist в российском правопорядке [Электронный ресурс] / А.Р. Ялилова // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 3. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26238830>.

принцип установления дополнительного срока с принципом существенности нарушения, но сделала акцент именно на существенность нарушения⁹⁶.

В отечественном гражданском кодексе законодатель закрепил **принцип существенности нарушения**, практически дословно реципировав норму Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров. Так, пострадавшая сторона может расторгнуть договор в случае существенного нарушения договора, а существенное является таковым, когда лишает пострадавшую сторону того, на что она могла рассчитывать при заключении договора (пункт 2 статьи 450 ГК РФ). Единственное исключение, которое сделал российский законодатель при имплементации нормы Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, заключается в том, что в ГК РФ не предусмотрен институт «предвидимости» последствий нарушения, тогда как статья 25 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров говорит о том, что ущерб должен быть предвиден должником. Полагаем, в статье 450 ГК РФ содержится общее описание идеи соразмерности тяжести санкции серьезности наказания. Существенность – это оценочная категория. Существенно нарушение или нет будет решать суд, оценивая правомерность расторжения.

А.Г. Карапетов попытался определить те факторы, которые нужно учитывать при квалификации нарушения в качестве существенного, к таковым он относит, в том числе: утрату доверия к должнику, учет вины кредитора и его добросовестности, неоднократность нарушения (определение существенности нарушения по совокупности)⁹⁷ и т.д. Всего ученым выделено больше 20 критериев.

---

⁹⁶ См. ст. 25 Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс] : конвенция заключена в г. Вене 11.04.1980 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

⁹⁷ Карапетов А.Г. Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Карапетов Артем Георгиевич. Москва, 2011. С. 219-220.

Применительно к порядку судебного расторжения нарушенного договора законодателем предпринята не совсем удачная, на наш взгляд, попытка расшифровать критерий существенности.

Так, согласно статье 619 ГК РФ арендодатель вправе в судебном порядке расторгнуть договор аренды, если арендатор не вносит арендную плату более двух раз подряд. Возникает вопрос, а если арендатор не платит через раз? На данный счет высказался ВАС РФ, указав, что не обязательно, чтобы нарушение попадало в перечень статьи 619 ГК РФ, если в данном конкретном случае оно является существенным за пределами указанного списка нарушений⁹⁸.

Следовательно, законодатель не может учесть все нюансы. Полагаем, попытка предложить нормы, раскрывающие оценочную категорию «существенное нарушение» – это во многом безнадежный способ, поскольку для одних ситуаций данные нормы окажутся удачными, подлежащими применению, а для других напротив – нецелесообразными.

Иногда также суды пытаются перечислить ряд релевантных обстоятельств, которые нужно учитывать при определении существенности нарушения. Среди этих подходящих факторов: значительность нарушения (например, длительность просрочки)⁹⁹; убытки, причиняемые кредитору; утрата интереса в сохранении договора; утрата доверия; убытки нарушителя от расторжения договора и другие. Полного перечня, безусловно, нигде нет и быть не может в силу постоянной динамичности общественных отношений, смены одних критериев другими. Очевидно, устоявшегося алгоритма подбора факторов, критериев существенности так же нет и быть не может. Можно лишь в той или иной степени предугадать, предвидеть учет тех или иных факторов

---

⁹⁸ В договоре аренды может быть предусмотрена возможность досрочного расторжения договора по требованию арендодателя в случае однократного невнесения арендатором арендной платы в установленный договором срок. См. п. 25 Обзора практики разрешения споров, связанных с арендой [Электронный ресурс] : Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

⁹⁹ Постановление Президиума ВАС РФ от 12.04.2011 № 12363/10 по делу № А40-160170/09-102-1126 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

(значительность убытков, утрата интереса в сохранении договора, возможные убытки, которые причинит расторжение нарушителю и т.д.).

Таким образом, учитывая, что оценка существенности нарушения – прерогатива суда, сторонам в договоре целесообразно заранее прописывать ситуации, относящиеся к существенным нарушениям, тем самым, детализируя критерий существенности.

Говоря о процедуре судебного расторжения нарушенного договора необходимо отметить следующее.

Статья 452 ГК РФ предусматривает норму о необходимости досудебного урегулирования спора, тем самым обременяя пострадавшую сторону (кредитора) «дополнительными обязанностями по соблюдению формальной процедуры получения от должника ответа на предложение расторгнуть договор»¹⁰⁰.

Полагаем, данное положение не в полной мере соответствует постулату о том, что «предусмотренные законом модели ограничения свободы договора преследуют одну из трех целей: защита слабой стороны договора, защита интересов кредиторов либо защита публичных интересов (государства, общества)»¹⁰¹. На наш взгляд, правило статьи 452 ГК РФ носит явно антикредиторский характер, поскольку вынуждает кредитора нести куда большие издержки (например, связанные с ожиданием ответа, невозможностью заключения заменяющей сделки), чем при одностороннем отказе от договора.

Отметим также, что процедура судебного расторжения имеет недостатки не только на стадии досудебного урегулирования спора, но также и в процессе судебного разбирательства. Современная российская действительность – это длительные судебные тяжбы. Судебный процесс может длиться от полугода вместе с апелляцией, а в некоторых случаях и куда больше. Все это время сторона не знает об исходе дела, и самое важное договор все это время

---

¹⁰⁰ Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах : монография / отв. ред. В.В. Долинская. М. : Проспект, 2018. С. 107.

¹⁰¹ Договорное право. Книга пятая. В двух томах. Том 1: Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М.: Статут, 2011. С. 159.

действует до вступления в силу судебного акта. Именно по этой причине во всех странах мира отказались от судебного расторжения как от общего правила.

Однако, несмотря на кажущуюся нерациональность судебного расторжения у последнего есть существенный плюс (пожалуй, единственный) – когда вступит судебное решение в законную силу, истекут сроки на обжалование, *de facto* наступит определенность.

Резюмируя изложенное, стоит сделать следующие выводы:

- в ГК РФ правило судебного расторжения закреплено в качестве общего в статье 450. Попытки изменить сложившееся положение при реформировании гражданского законодательства не дали результата. Включение в ГК РФ в 2015 году статьи 450.1, регламентирующей односторонний отказ от договора, не предопределило переход к распространенному в зарубежных правовых системах механизму одностороннего отказа от договора;

- механизм судебного расторжения нарушенного договора имеет ряд недостатков. Однако, его существенное преимущество, по сравнению с односторонним отказом от договора, заключается в правовой определенности, наступающей для сторон;

- принцип существенности нарушения, названный в качестве основания расторжения договора, должен раскрываться исходя из конкретных обстоятельств дела. Более того, в договоре стороны могут прописать конкретные обстоятельства, относящиеся к существенным нарушениям. Бремя доказывания существенности нарушения лежит на стороне, инициировавшей расторжение договора;

- судебная процедура расторжения договора может быть предусмотрена в договоре. Так, с точки зрения договорной техники, стороны могут в договоре прописать следующее правило: «Договор в случае его нарушения расторгается исключительно в судебном порядке». Если в договоре написано о «праве требовать расторжения договора» (без указания на суд), судебная процедура будет считаться подразумеваемой. К данному выводу пришел ВАС РФ в одном

из дел¹⁰². Иными словами, полагаем, что в договоре в целях недопущения правовой неопределенности стороны могут прийти к соглашению об исключении правил, дающих возможность одностороннего отказа, установив исключительно судебную процедуру расторжения нарушенного договора, восстановив то общее правило о судебном расторжении, предусмотренное статьей 450 ГК РФ.

2.2 Расторжение предпринимательского договора в связи с существенным изменением обстоятельств: критерии отнесения обстоятельств к существенным

Конвенционное обязательство *pacta sunt servanda* гласит: «каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться»¹⁰³. Более того, известная международному публичному праву правовая доктрина *clausula rebus sic stantibus* исходит из следующего: пока обстоятельства, послужившие заключению договора, остаются неизменными, последний остается в силе. Так и существование устойчивых предпринимательских связей является одним из оснований успешного и стабильного развития гражданского оборота. Тем не менее, осуществление договорных обязательств может быть «заблокировано» возникновением обстоятельств, препятствующих сторонам реализовать все предусмотренные договоренности.

Предлагаем обратиться к историко-правовым предпосылкам зарождения института существенного изменения обстоятельств в отечественном законодательстве.

---

¹⁰² См. позицию ВАС РФ в Постановлении Президиума ВАС РФ от 20.10.2011 № 9615/11 по делу № А65-18291/2009 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. В данном деле суд указал, что предусмотренное договором право арендатора потребовать досрочного расторжения договора не подразумевает право последнего на односторонний отказ от договора, тем самым, стороны договорились о расторжении договора лишь в судебном порядке (при недостижении соответствующего соглашения).

¹⁰³ См.: ст. 26 Венской Конвенции о праве международных договоров [Электронный ресурс] : конвенция заключена в г. Вене 23.05.1969 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Так, по мнению Т.Г. Очхаева до введения в действие части первой ГК РФ в 1994 году российскому гражданскому праву институт изменения обстоятельств был неизвестен¹⁰⁴.

Анализ правовых актов дореволюционного времени позволяет заключить, что косвенное упоминание о рассматриваемом институте все же имеется, более того, как отмечает А.В. Венедиктов: «идея изменения условий или аннулирования убыточных контрактов отнюдь не может считаться совершенно чуждой русской цивилистике»¹⁰⁵.

Действительно, согласно статье 457 проекта Гражданского уложения (в редакции 1899 года) «если вследствие чрезвычайных обстоятельств, которые не могли быть предвидены подрядчиком при заключении договора о возведении дорогостоящего сооружения, требующего для своего окончания нескольких лет, произойдет сильное повышение цен на рабочие руки или материалы, то подрядчик может просить суд об увеличении установленной договором цены подряда или об освобождении его, подрядчика, от исполнения договора»¹⁰⁶.

Существенное изменение обстоятельств связывалось с их чрезвычайностью, непредвиденностью, неотвратимостью.

По утверждению К.П. Победоносцева внешнее обстоятельство, не зависевшее от личной воли и послужившее основанием для неисполнения договора, ни в какой мере не может относиться на должника, не вменяется ему в качестве обстоятельства для наступления гражданско-правовой ответственности¹⁰⁷.

Становление института изменения обстоятельств прослеживается также в федеративных актах советского законодательства. Так, согласно статьям 118, 129 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года (далее – ГК РСФСР) предусмотрена возможность освобождения должника от ответственности за

---

¹⁰⁴ Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств / Т.Г. Очхаев. М. : Статут, 2017. С. 38.

¹⁰⁵ Венедиктов А.В. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х томах. Т. 1 / А.В. Венедиктов; науч. ред. А.А. Иванов. – М.: Статут, 2004. С. 123.

¹⁰⁶ Там же. С. 124.

¹⁰⁷ Победоносцев К.П. Курс гражданского права: Договоры и обязательства. Ч. 3 / К.П. Победоносцев; науч. ред. В.С. Ем. М. : Статут, 2003. С. 150.

неисполнение обязательства в силу возникновения непредотвратимого обстоятельства. В соответствии со статьей 234 ГК РСФСР 1964 года «обязательство между социалистическими организациями подлежит прекращению или изменению сторонами в установленном порядке в случаях, когда акты планирования народного хозяйства, на которых обязательство основано, изменены распоряжением, обязательным для обеих сторон». В указанной норме явно выражена черта административно-плановой экономики, характерная для периода того времени. Тем не менее, основная концепция вневолевого характера института изменения обстоятельств статьей предусмотрена.

Исходя из содержания статьи 235 ГК РСФСР 1964 года обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана обстоятельством, за которое должник не отвечает. Указанное законоположение означает, что советские правоведы внедряли норму о существенном изменении обстоятельств в качестве основания для изменения или расторжения договора.

В своей работе Т.Г. Очхаев отмечает, что правоведы и законодатели советского периода при квалификации изменившихся обстоятельств в качестве существенных исследовали проблемы ответственности должника за неисполнение договора и невозможность исполнения обязательства.

Полагаем, с приведенной позицией можно согласиться, поскольку содержание вышеприведенных норм свидетельствует о необходимости освобождения должника от ответственности при наступлении обстоятельств, за которые он не отвечает, которые возникли за пределами его воли.

Стоит отметить, что для описания изменения обстоятельств в качестве существенных в разное время используются разные прилагательные: «непредвиденные», «не зависящие от личной воли», «неподвластные» и т.д.

Так, например, в статье 62 Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 года говорится о коренном изменении обстоятельств. Исходя из буквального толкования указанной статьи, коренное изменение обстоятельств имеет место при существовании одновременно следующих условий: а) такие

обстоятельства возникли в рамках заключенного договора; б) стороны их не предвидели, не ожидали их наступления. Более того, международные нормы содержат случаи, при наступлении которых возможно сослаться на коренное изменение обстоятельств и выйти из договорных отношений, прекратить исполнение обязательств по договору. К таковым Венская Конвенция о праве международных договоров относит случаи, когда: «а) наличие таких обстоятельств составляло существенное основание согласия участников на обязательность для них договора; и б) последствие изменения обстоятельств коренным образом изменяет сферу действия обязательств, все еще подлежащих выполнению по договору». А также поименованы случаи, при которых сторона не вправе сослаться на коренное изменение обстоятельств: а) когда договором установлена граница; б) когда нарушение обязательств по договору стало причиной возникновения коренного изменения обстоятельств, на которые ссылается виновный участник соглашения¹⁰⁸. Полагаем, необходимость введения указанных исключений оправдана, поскольку, в первом случае, для договоров о границах, условие договора о возможности его изменения (или расторжения) при наступлении коренного изменения обстоятельств стало бы причиной периодических конфронтаций между сторонами договора, а не методом достижения согласованных изменений. К аналогичному выводу приходят некоторые исследователи¹⁰⁹. Во втором случае, когда возникновение коренного изменения обстоятельства поставлено в зависимость от действий обязанной стороны, нарушается принцип добросовестности и обязательности договора (*pacta sunt servanda*).

К числу оснований изменения или расторжения гражданско-правового договора ГК РФ относит именно **существенное** изменение обстоятельств.

В данном параграфе речь пойдет о расторжении предпринимательских договоров, являющихся разновидностью гражданско-правовых договоров,

---

¹⁰⁸ См. п. 2 ст. 62 Венской Конвенции о праве международных договоров [Электронный ресурс] : конвенция заключена в г. Вене 23.05.1969 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁰⁹ См., напр., Ильинская О.И. Влияние коренного изменения обстоятельств на действие международных договоров / О.И. Ильинская // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5. С. 162.

субъектным элементом которых являются юридические лица. Рисковый характер предпринимательских отношений усложняет применение статьи 451 ГК РФ, поскольку само осуществление предпринимательской деятельности подразумевает, что сторона действует на свой риск, тем самым сужается круг обстоятельств, которые возможно отнести к существенным и положить в основу изменения или расторжения договора. На практике участники хозяйственных отношений должны доказать наличие существенно изменившихся обстоятельств, поскольку суды нередко отказывают в удовлетворении требований пострадавшей стороны о расторжении договора ссылаясь на недоказанность факта существования всех предусмотренных пунктом 2 статьи 451 ГК РФ обстоятельств¹¹⁰. Отнесение того или иного обстоятельства к категории «существенного» определяется исходя из судебной практики.

В пункте 2 статьи 451 ГК РФ содержатся условия, при одновременном наличии которых суд может изменить или расторгнуть предпринимательский договор, по требованию одной из недоговорившихся сторон. При этом, названные в статье условия носят весьма абстрактный, неопределенный характер.

Внести коррективы в толкование указанной нормы попытался Верховный Суд РФ. Так, судебная коллегия по гражданским делам назвала в качестве юридически значимых обстоятельств, необходимых для определения по делам рассматриваемой категории, следующие: факт наличия существенного изменения обстоятельств, время его наступления, возможность сторон разумно предвидеть эти обстоятельства при заключении договора¹¹¹. Однако, как отмечают некоторые исследователи, «последнее обстоятельство является

---

¹¹⁰ Так, например, в Постановлении ФАС Северо-Западного округа от 13 апреля 2010 года по делу № А42-2857/2009 суд указал на то, что «истец не представил доказательств наличия одновременно всех условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 451 ГК РФ». См.: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 13.04.2010 по делу № А42-2857/2009 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 30.07.2013 № 18-КГ13-70 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

крайне неопределенным»¹¹². Думается, суд подразумевал то обстоятельство, что сторонам при заключении договора надлежит действовать с должной степенью заботливости и осмотрительности, дабы исключить саму возможность изменения или расторжения предпринимательского договора в будущем. Очевидно, что мнение суда будет определяющим при разрешении споров по ст. 451 ГК РФ.

Исходя из анализа материалов судебной практики, целесообразно выделить те ситуации, в которых сторона могла предвидеть наступление изменения обстоятельств.

Так, существенным изменением обстоятельств не является резкое ухудшение финансового положения субъекта предпринимательской деятельности. Данный вывод нашел свое отражение в Постановлении Президиума ВАС РФ от 30.11.2010 № 9600/10. Суд в рассматриваемом деле исходил из того, что «вступая в договорные отношения, стороны могли и должны были учесть экономическую ситуацию, спрогнозировать ухудшение своего финансового положения»¹¹³. В противном случае, установленный нормами ГК РФ баланс между сторонами предпринимательского договора будет претерпевать негативные изменения. Создание условий, порождающих несоразмерность имущественного положения сторон, действующим гражданским законодательством не допускается.

Еще одним обстоятельством, которое стороны могли предвидеть, суды называют введение экономических санкций. Начиная с 2014 г., в связи с ситуацией, произошедшей в Украине, в отношении России странами Евросоюза и США были неоднократно введены международные санкции. Сложившаяся судебная практика не относит данное обстоятельство к существенному. Например, Верховный Суд РФ в Определении от 23.05.2017 № 301-ЭС16-18586

---

¹¹² Набережный А. Существенное изменение обстоятельств: меняем или расторгаем договор / А. Набережный // Налоговый учет для бухгалтера. 2017. № 9. С. 50-59.

¹¹³ Постановление Президиума ВАС РФ от 30.11.2010 № 9600/10 по делу № А17-1960/2009 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

указал, что включение банка в санкционные списки не выходит за пределы обычных коммерческих рисков¹¹⁴.

К числу прочих обстоятельств, возможность изменения которых стороны предпринимательского договора могли предвидеть при его заключении, суды относят изменение уровня инфляция, а также экономический кризис в стране¹¹⁵. Более того, «стороны, вступая в договорные отношения, должны были прогнозировать экономическую ситуацию, в связи с чем не могли исключить вероятность роста цен в период исполнения сделки»¹¹⁶. Безусловно, данные процессы существенным образом затрудняют исполнение договорных обязательств, тем не менее, исторический опыт разных стран показывает, что эти факторы носят циклический характер, предвидеть их появление (при должном анализе) возможно с высокой долей вероятности.

Неоднозначные выводы встречаются в применении статьи 451 ГК РФ по отношению к «дефолту» 1998 года. Ситуация экономического кризиса в России была квалифицирована ныне упраздненным ВАС РФ как обстоятельство существенным образом повлиявшее на товарно-денежные отношения сторон, и как следствие он («дефолт») допускает применение нормы о расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств¹¹⁷. Позднее, ВАС РФ поставил под сомнение вышеназванную квалификацию кризиса 1998 года в качестве существенного изменения обстоятельств, подпадающего под статью 451 ГК РФ, указав следующее: «финансовый кризис явился объективным обстоятельством, в условиях которого оказались все хозяйствующие субъекты»¹¹⁸. Полагаем, было бы несправедливым по отношению к некоторым

---

¹¹⁴ Определение Верховного Суда РФ от 23.05.2017 № 301-ЭС16-18586 по делу № А39-5782/2015 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹¹⁵ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.12.2016 № Ф06-15857/2016 по делу № А12-28452/2016 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹¹⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 13.04.2010 № 1074/10 по делу № А40-90259/08-28-767 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹¹⁷ Договорное право. Книга пятая. В двух томах. Том 1: Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М.: Статут, 2011. С. 482.

¹¹⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 07.08.2001 № 4876/01 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

субъектам хозяйственной деятельности допустить «дефолт» в качестве существенного изменения обстоятельств, поскольку был бы нарушен принцип равенства участников гражданских правоотношений. Более того, на наш взгляд, обстоятельство, которое законодатель называет в качестве существенного, должно обладать уникальными, нетождественными свойствами, коими «дефолт» 1998 года не наделен. Так, все субъекты экономических отношений оказались в одинаково неблагоприятной ситуации, отдавать кому-либо предпочтение суд, будучи беспристрастным и независимым, не может. Таким образом, экономический кризис есть не что иное как обычный предпринимательский риск¹¹⁹.

Возникает вопрос, изменение каких обстоятельств можно квалифицировать в качестве существенных, подразумеваемых законодателем в ст. 451 ГК РФ?

Предлагаем рассмотреть конкретные примеры из судебной практики, в которых суды приходят к выводу о наличии категории «существенности» в условиях изменяющихся обстоятельств.

Так, например, в Постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 17.04.2018 указано, что распоряжение и.о. Губернатора Севастополя № 46 от 17.07.2014 г. «О запрете осуществления капитального строительства на территории города Севастополя» фактически лишило предпринимателя возможности надлежащим образом исполнить обязательства, вытекающие из договора аренды земельного участка, в установленные сроки¹²⁰. В указанном Постановлении суд обоснованно приходит к выводу о необходимости внесения изменений, в части сроков, в договор аренды земельного участка, заключенного

---

¹¹⁹ См. в Определении КС РФ от 19.02.2003 № 79-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Анианца Михаила Константиновича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации» суд указал «принятый Правительством Российской Федерации комплекс мер, направленный на нормализацию финансовой и бюджетной политики в августе 1998 года (дефолт), не являлся форс-мажорным обстоятельством и не мог служить основанием для освобождения ответчика от возврата суммы займа, поскольку повлиял на деятельность всех субъектов экономических отношений».

¹²⁰ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.04.2018 № Ф10-573/2017 по делу № А84-1077/2016 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

между Департаментом по имущественным и земельным отношениям города Севастополя и ООО «Ажур». Поскольку издание акта должностным лицом города существенным образом повлияло на исполнение договорных обязательств сторонами, необходимость применения ст. 451 ГК РФ очевидна.

Аналогичным образом утрата интереса к исполнению договора является существенным изменением обстоятельств. Проанализировав Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.04.2018, можно сделать вывод о том, что необходимость в ранее достигнутых сторонами договоренностях относительно исполнения предпринимательского договора, особенно учитывая долгосрочный характер отношений, может быть утрачена¹²¹. Такое положение дел может быть вызвано отсутствием перспектив сохранения договорных отношений и намерений стороны настаивать на исполнении условий договора в будущем. В указанном деле заключенный между сторонами договор на поставку щебня в отсутствие технической возможности у покупателя осуществить выборку и вывезти товар с территории поставщика заранее определяет договорные отношения как неостребованные. Экономический смысл договорных отношений утрачен.

В своей работе Т.Г. Очхаев проанализировал практику МКАС по применению статьи 451 ГК РФ к отношениям сторон. Так, в одном из дел суд признал в качестве существенного изменения обстоятельств прекращение финансирования конкретного строительного объекта¹²². Аналогичная позиция встретилась в решении Арбитражного суда Красноярского края от 28.12.2015 г., оставленном без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, благодаря которому перечень существенно изменившихся обстоятельств пополнился следующим – исполнение обязательств по государственному контракту может стать невозможным в связи с уменьшением объемов

---

¹²¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.04.2018 № Ф09-1005/18 по делу № А47-4165/2017 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹²² Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств / Т.Г. Очхаев. М. : Статут, 2017. С. 46.

финансирования из местного бюджета¹²³. Очевидно, что предвидеть указанное обстоятельство не представлялось возможным.

Таким образом, предлагаем выделить следующие критерии отнесения того или иного обстоятельства к существенным, которыми руководствуются суды при применении статье 451 ГК РФ (помимо условий, прямо названных в норме):

- наличие обстоятельств, выходящих за пределы обычных рисков коммерческой деятельности;
- нецелесообразность сохранения договорных отношений ввиду их убыточности;
- вмешательство третьей стороны;
- возникновение факторов, не зависящих от воли сторон.

Несомненно, иные обстоятельства могут быть положены в основу квалификации в качестве существенных. Однако, их «существенное» изменение должно коррелироваться с условиями, названными в ст. 451 ГК РФ.

Резюмируя вышесказанное, стоит заключить, что в каждом конкретном случае судам надлежит определять существенность изменившихся обстоятельств. Несмотря на то, что на сегодняшний день в судебной практике нет однозначно сформированной позиции по поводу единообразных подходов к выделению обстоятельств в качестве существенных, правоприменитель с учетом конкретной ситуации оценивает все обстоятельства дела и пытается наиболее верно квалифицировать те или иные обстоятельства в качестве существенных.

---

¹²³ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 28 декабря 2015 по делу № А33-16800/2015 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3 Односторонний отказ от договора: проблемы доктринального толкования и судебной практики

3.1 Основания и процедура одностороннего отказа от договора

В зависимости от ценностно-ориентированной направленности правового сознания в разных странах устанавливался разный механизм расторжения договора в ответ на его нарушение.

Теоретическое исследование правовых представлений о расторжении нарушенного договора сводится к тому, что в большинстве стран мира действует режим одностороннего отказа от нарушенного договора. В частности, указанной процедуры придерживаются страны романо-германской (Германия, Франция, Австрия, Италия и др.), англо-американской (Англия, США, Канада и др.) правовых семей и многие другие.

Как ранее нами было отмечено, в развитых западных правовых системах нормы кодекса, предусматривающие вопросы договорного регулирования, воспринимаются как диспозитивные.

Так, идея отказа от нарушенного договора нашла свое воплощение в следующих ценностных установках: оперативное устранение нарушений прав кредитора, утратившего интерес к сохранению договора; поддержание непрерывной динамичности гражданского оборота в условиях конкурирующей среды; возможность осуществления давления на должника в условиях равенства участников правоотношений в целях оперативного выхода из договорных отношений или изменения условий договора.

К примеру, во Франции до недавнего времени главенствовал принцип судебного расторжения нарушенного договора, поскольку принятие Гражданского кодекса (Кодекса Наполеона) (далее – ФГК) приходится на начало XIX века, и в то время идея одностороннего отказа не утвердила себя в качестве доминирующей. Согласно ранее действовавшей редакции ФГК кредитор располагал следующими альтернативными вариантами при нарушении обязательств должником: настаивать на исполнении или же

прибегнуть к судебной процедуре расторжения договора¹²⁴. Однако в 2016 году в свете реформы ФГК, в последнем было закреплено право на односторонний отказ от нарушенного договора¹²⁵.

Более того, исходя из анализа положений международных актов, содержащих нормы о расторжении договора, можно заключить, что в современных развитых правовых системах главенствует принцип одностороннего отказа от договора.

В частности, Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров закрепляет принцип одностороннего отказа от нарушенного договора (статьи 72, 73), а также указанное положение содержится в Принципах международных коммерческих договоров (Принципах УНИДРУА) (статья 3.10), главе 5 Модельных правил европейского частного права и т.д.

Как нами было отмечено ранее, в отечественном гражданском законодательстве в качестве основного закреплен судебный порядок расторжения договора.

Тем не менее, несмотря на закрепление *de jure* принципа судебного расторжения нарушенного договора в ГК РФ, в последнем есть значительное количество специальных норм, посвященных праву на односторонний отказ от нарушенного договора. Так, например, в разделе ГК РФ о купле-продаже в качестве санкции за нарушение контрагентом условий договора является односторонний отказ от договора¹²⁶. Аналогичная ситуация просматривается в договоре поставки, подряда, и в ряде других специальных норм ГК РФ.

При этом, следует отметить, что законодателем используется бессистемное употребление терминов, касающихся механизма отказа от договора: односторонний отказ от договора (например, в статьях 463, 489, 717

---

¹²⁴ Французский гражданский кодекс : учебно-практический комментарий / Ю. Гонгало [и др.]. М. : Проспект, 2008. С. 457.

¹²⁵ Изменения введены ордонансом № 2016-131 от 10 февраля 2016 г. См.: *Ordonnance № 2016-131 du 10 février 2016 portant réforme du droit des contrats, du régime général et de la preuve des obligations*. [Электронный ресурс] // Legifrance. Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr>.

¹²⁶ См., напр., п. 2 ст. 475 ГК РФ предусматривает отказ от исполнения договора при существенном нарушении требований к качеству товара. П. 2 ст. 468 позволяет покупателю отказаться от переданных товаров при нарушении продавцом условий об ассортименте. П. 4 ст. 486 ГК РФ – продавец вправе отказаться от исполнения договора при нарушении условий договора об оплате товара и т.д.

ГК РФ), от исполнения договора (например, в статьях 464, 466, 534 ГК РФ), от исполнения обязательств (статья 310 ГК РФ) и т.п. Отсутствие терминологического единства в употреблении указанных категорий порождает многочисленные научные дискуссии.

Так, одни исследователи, например, А.А. Кукушкин, М.В. Субботин, не находят острых противоречий в употреблении законодателем в ГК РФ разнозвучных терминов, отождествляя односторонний отказ от исполнения договора и отказ от исполнения конкретного договорного обязательства. В качестве обоснования своей позиции, авторы ссылаются на то, что в данном случае термин «обязательство» используется в узком смысле – как конкретная обязанность должника¹²⁷.

Тем не менее, необходимость разграничения указанных терминов обосновывается в научных трудах. Так, например, М.А. Егорова полагает, что термин «односторонний отказ от исполнения договора» связан с основанием его расторжения, тогда как «односторонний отказ от исполнения обязательств по договору» рассматривается как нарушение условий договора, позволяющее стороне отказаться от исполнения такого договора¹²⁸.

На сегодняшний день по-прежнему существует правовая неопределенность в употреблении указанных терминов, поскольку ГК РФ не раскрывает их содержание. Законодателю надлежит установить ясность в данном вопросе, исключить терминологическую неопределенность в целях единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в указанных нормах законодатель не использует прилагательное «односторонний» применительно к отказу. Полагаем, что ключевое, семантическое ядро в словосочетании «односторонний отказ» находится в слове «отказ», поскольку прилагательное «односторонний», означает лишь, что расторжение происходит без согласия

---

¹²⁷ Кукушкин А.А. Односторонний отказ от исполнения договора как основание расторжения договора [Электронный ресурс] / А.А. Кукушкин, М.В. Субботин // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹²⁸ Егорова М.А. Односторонний отказ от исполнения договора: проблемы теории и практики : монография / М.А. Егорова; отв. ред. М.Н. Илюшина. М. : РПА МЮ РФ, 2005. С. 56.

другой стороны. Однако и судебное расторжение происходит без согласия одной стороны, поэтому словом, обозначающим произвольное волеизъявление (именно без санкции суда), является термин «отказ». В случаях, когда законодатель употребляет термин «отказ» без прилагательного «односторонний», надлежит толковать данное законоположение как внесудебный отказ.

В частности, в пункте 2 статьи 328 ГК РФ говорится о том, что «в случае непредоставления обязанной стороной предусмотренного договором исполнения обязательства либо при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что такое исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков». Полагаем, следует признать, что в названной статье говорится об отказе от договора, так как невозможно представить себе отказ правопрекращающий в отношении одного обязательства с сохранением другого встречного исполнения в силе. Иначе говоря, логично предположить, что здесь имеет место эвфемизм, который предполагает тот же самый односторонний отказ.

В пункте 2 статьи 405 ГК РФ говорится о предоставленной кредитору возможности отказаться от принятия исполнения в случае прострочки должника, при этом основанием для отказа является утрата интереса в дальнейшем исполнении договора. Вполне логично предположить, что в данной норме речь также идет об отказе от договора.

Аналогичный вывод содержится в пункте 1 Постановления Пленума ВАС РФ «О последствиях расторжения договора» 2014 года – отказ, допускаемый законом, предусмотрен статьями 328, 405 ГК РФ¹²⁹. В дальнейшем утрату интереса в качестве основания для отказа от договора признал и Верховный Суд РФ, указав, что «кредитор не лишен права отказаться от договора, если

---

¹²⁹ См. п. 1 О последствиях расторжения договора [Электронный ресурс] : Постановление Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 35 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

вследствие просрочки, возникшей в связи с наступлением обстоятельств непреодолимой силы, он утратил интерес в исполнении»¹³⁰. Иными словами, на сегодняшний день возникновение непредвиденных, чрезвычайных обстоятельств, когда исполнение обязательств временно невозможно, не препятствуют стороне заявить о расторжении договора, ведь должник по-прежнему остается обязанной стороной.

Таким образом, отсутствие терминологической определенности в законодательстве требует наличия такой определенности в договоре.

По нашему мнению, односторонний отказ от нарушенного договора – оптимальное общее правило, которое должно быть установлено в ГК РФ, как активно применяемое во всем мире. Однако, при этом необходимо учитывать, что несмотря на то, что механизм одностороннего отказа является оптимальным в общем смысле, это не значит, что в каждой конкретной ситуации указанный принцип будет все также оптимален. У каждого варианта расторжения договора, судебного и внесудебного, есть свои отрицательные и положительные черты. Ранее в настоящей работе нами были рассмотрены некоторые плюсы и минусы судебного расторжения договора. Обратимся к достоинствам и недостаткам одностороннего отказа.

Плюсы одностороннего отказа: быстрота, оперативность, небюрократичность: сторона выходит из договора, не проходя длительную судебную процедуру.

Безусловным минусом указанного порядка расторжения договора является состояние неопределенности ввиду отсутствия некоего документа, подтверждающего правомерность действий стороны.

---

¹³⁰ См. пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 24 марта 2016 года «Кредитор не лишен права отказаться от договора, если вследствие просрочки, возникшей в связи с наступлением обстоятельств непреодолимой силы, он утратил интерес в исполнении» // О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

В зарубежных странах повсеместно говорится о том, что односторонний отказ от нарушенного договора осуществляется на свой страх и риск¹³¹.

Контрагент может выжидать годами, в пределах срока исковой давности, прежде чем он заявит требование в суд о неправомерности отказа. Тем не менее, риски можно минимизировать при правильном подходе к составлению договора, указав на конкретный механизм его расторжения при нарушении одной из сторон своих обязательств.

Если решено оговорить право на внесудебное расторжение, в договоре следует писать – «право на односторонний (внесудебный) отказ от договора». По нашему мнению не следует указывать в договоре на «право на одностороннее расторжение», поскольку раньше ВАС РФ считал, что такая оговорка не дает права на отказ¹³². Однако, позднее, ВАС РФ переквалифицировал такую оговорку в право на отказ, указав следующее: «... для одностороннего отказа от исполнения договора (одностороннего расторжения договора) достаточно самого факта указания об этом в соглашении сторон»¹³³. Полагаем, лучше, хотя бы в данной части, исключить риски, связанные с судебным толкованием.

На сегодняшний день в судебной практике нет однозначного подхода к вопросу о возможности закрепления в договоре права на односторонний отказ в обход законодательно установленной судебной процедуры расторжения.

Первоначально, в пункте 27 Информационного письма Президиума ВАС РФ № 66 от 11 января 2002 года указывалось, что исчерпывающий перечень оснований, предусмотренный в статье 619 ГК РФ, не исключает диспозитивного толкования нормы, стороны вправе предусмотреть иное

---

¹³¹ Карапетов А.Г. Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Карапетов Артем Георгиевич. Москва, 2011. С. 30.

¹³² См. позиция ВАС РФ: Предусмотренное договором право продавца в одностороннем порядке расторгнуть договор при задержке исполнения обязательств по оплате может быть реализовано в судебном порядке. Постановление Президиума ВАС РФ от 01.06.1999 № 6759/98 по делу № А60-483/98-С2 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹³³ Постановление Президиума ВАС РФ от 16.02.2010 № 13057/09 по делу № А40-87811/08-147-655 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

правило, отличное от положений статьи¹³⁴. Аналогичный вывод содержится в Постановлении Президиума ВАС РФ № 5782/08 от 09.09.2008 года, где суд указал, что «положения статьи 619 Кодекса развивают положения пункта 2 статьи 450 Кодекса и не могут рассматриваться как ограничивающие права сторон в договоре аренды, в том числе, заключенном на определенный срок»¹³⁵. Иными словами, как полагали суды, несмотря на наличие в статье 619 ГК РФ и других статьях, регулирующих арендные отношения, указания на сугубо судебную процедуру расторжения договоров в случае нарушения, не исключена возможность указания в договоре варианта одностороннего отказа.

Тем не менее, спустя некоторое время практика судов по вопросу отступления от законодательно установленной судебной процедуры расторжения, в частности применительно к договорам аренды, кардинально изменилась. Так, например, в одном из дел Верховный Суд РФ указал, что в договоре должны быть предусмотрены четкие основания его расторжения, формулировка «допускается расторжение по иным основаниям, чем указано в законе» противоречит сущности срочного обязательства¹³⁶.

Следовательно, на сегодняшний день суды все больше отходят от ценностных ориентиров Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах», толкуя нормы исключительно императивно, применяя механистический подход, ввиду отсутствия фразы в законе на возможность согласовать иное. В данном случае продекларированная в марте 2014 года цель на диспозитивное толкование норм (с учетом критериев императивности) практически сводится на нет.

Обратимся к некоторым процедурным аспектам одностороннего отказа от договора.

---

¹³⁴ См. п. 27 Обзора практики разрешения споров, связанных с арендой [Электронный ресурс] : Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹³⁵ Определение Верховного Суда РФ от 23.05.2017 № 301-ЭС16-18586 по делу № А39-5782/2015 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹³⁶ Определение Верховного Суда РФ от 19.12.2014 № 310-ЭС14-2411 по делу № А08-7982/2013 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.; Определение Верховного Суда РФ от 21.08.2015 № 310-ЭС15-4004 по делу № А08-7981/2013 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Стоит отметить, что односторонний отказ от договора есть суть односторонняя сделка¹³⁷. К данному выводу пришел Пленум Верховного Суда РФ, а также не оспаривается в научных трудах. Соответственно, к заявлению об отказе от договора применяются общие правила о сделке, о форме сделки, о полномочиях на ее совершение, о недействительности сделок и т.д. Общие правила о сделках требуют наличия полномочий лица на совершение сделки (в противном случае наступят последствия, предусмотренные статьей 174 ГК РФ).

Полагаем, с указанным положением необходимо согласиться, поскольку, отказ от договора отвечает признакам сделки: 1) является волеизъявлением одной из сторон, 2) имеет правовую цель – прекращение гражданских прав и обязанностей; 3) имеет правовое последствие в виде прекращения договора; 4) является правомерным действием.

Исходя из изложенного следует, что отказ от договора может быть оспорен по правилам о недействительности сделок (например, крупная сделка, пункт 1 статьи 174 ГК РФ и т.п.), а также является ничтожным, если нарушения не было или оно было несущественно. Верховный Суд РФ в частности указал, что «если односторонний отказ от исполнения обязательства или одностороннее изменение его условий совершены тогда, когда это не предусмотрено законом, иным правовым актом или соглашением сторон или не соблюдены требования к их совершению, то по общему правилу такой односторонний отказ от исполнения обязательства или одностороннее изменение его условий не влекут юридических последствий, на которые они были направлены»¹³⁸.

---

¹³⁷ См. п.50, 51 и 66 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23 июня 2015. // О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. Пункт 51 гласит: «согласно пункту 2 статьи 154 ГК РФ односторонней считается сделка, для совершения которой в соответствии с законом, иными правовыми актами или соглашением сторон необходимо и достаточно выражения воли одной стороны. Если односторонняя сделка совершена, когда законом, иным правовым актом или соглашением сторон ее совершение не предусмотрено или не соблюдены требования к ее совершению, то по общему правилу такая сделка не влечет юридических последствий, на которые она была направлена».

¹³⁸ См., напр., п.12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 54 от 22 ноября 2016. // О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Полагаем, что в заявлении об отказе от договора должны содержаться недвусмысленные формулировки, выражающие действительные намерения стороны. К примеру, в судебной практике встречаются ситуации, в которых стороной направлено контрагенту не заявление об отказе от договора, а заявление о возврате предоплаты. В одном из дел суд указал, что такое заявление должно рассматривать как аналог заявления об отказе¹³⁹.

На наш взгляд, во избежание правовой неопределенности по данному вопросу, сторонам надлежит направлять именно заявление об отказе от договора.

Проблемным также является вопрос относительно формы одностороннего отказа от договора. Так, например, если договор был нотариально удостоверен, то не вполне ясно, должна ли сделка отказа от такого договора также нотариально удостоверяться (это прямо в ГК РФ не написано, но косвенно может быть выведено по аналогии из пункта 1 статьи 452 ГК РФ, согласно которому соглашение о расторжении нотариально удостоверенного договора должно быть также нотариально удостоверено). Такую позицию поддерживают такие ученые как С.А. Соменков¹⁴⁰ и М.А. Егорова¹⁴¹, А.Г. Карапетов¹⁴².

В ситуации, когда у стороны есть право на односторонний отказ от договора, возникает вопрос, можно ли обратиться в суд с иском о его расторжении? Судебная практика свидетельствует о положительном ответе на данный вопрос. Так, например, в одном из дел ФАС Уральского округа признал право заказчика требовать судебного расторжения договора, несмотря на

---

¹³⁹ Определение Верховного Суда РФ от 24.08.2017 по делу № 302-ЭС17-945, А19-9543/2015 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁴⁰ Соменков С.А. Расторжение договора в гражданском обороте: теория и практика / С.А. Соменков; под ред. Е.В. Татариной. М.: МЗ Пресс, 2002. С. 100.

¹⁴¹ Егорова М.А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. 2-е изд., перераб. и доп. / М.А. Егорова. М.: Статут, 2010. С. 340.

¹⁴² Карапетов А.Г. Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Карапетов Артем Георгиевич. Москва, 2011. С. 170-171.

наличие законодательно установленной возможности заявить односторонний отказ от исполнения договора¹⁴³.

Представляется, что при наличии права на отказ от договора подавать иск в суд о расторжении не нужно. Но иногда стороны, желая получить некую определенность своего положения, могут прибегнуть к судебному порядку расторжения договора.

В судебной практике встречаются случаи, когда суды ошибочно квалифицируют требование одной стороны о расторжении договора в качестве одностороннего отказа от договора, а также указывают на отсутствие правовых оснований для расторжения спорного договора в судебном порядке¹⁴⁴.

По нашему мнению, направляя соглашение о расторжении договора сторона тем самым выразила волю на прекращение обязательств именно путем достижения согласия сторон в форме письменного двустороннего соглашения, оснований для отказа в удовлетворении требований о расторжении договора в судебном порядке у суда не имелось.

Резюмируя вышесказанное можно сделать следующие выводы, касающиеся механизма одностороннего отказа от договора.

Во-первых, действующие законодательные установления относительно режима одностороннего отказа от договора носят преимущественно императивный характер, отсутствие в норме фразы о возможности согласовать иное по-прежнему воспринимается в судебной практике как строгое следование норме закона (несмотря на разъяснения Пленума о свободе договора), принцип свободы договора, по меньшей мере, в аспекте свободы его изменения и расторжения продолжает оставаться декларативным.

Многочисленная судебная практика свидетельствует о том, что к составлению разделов гражданско-правового договора стоит подходить с

---

¹⁴³ См. п. 10 Обзора практики рассмотрения споров по договору подряда [Электронный ресурс] : одобрен президиумом Федерального арбитражного суда Уральского округа 30.03.2007 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁴⁴ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 29.06.2018 по делу № А33-1686/2018 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. Суд апелляционной инстанции отменил указанное решение суда постановлением от 30.11.2018.

особой внимательностью, постараться предусмотреть варианты развития событий в любом их выражении и проявлении.

3.2 Автоматическое прекращение договора

Неоднозначным в судебной практике и литературе является вопрос о возможности автоматического расторжения договора.

Отсутствие законодательных установлений, касающихся вопросов регулирования механизма автоматического прекращения договора, а также норм о порядке применения указанного механизма не препятствует участникам предпринимательских отношений реализовывать обозначенный способ на практике, путем включения условий его применения в договор.

Включение в договор условия об автоматическом расторжении договора освобождает стороны от необходимости соблюдения специального порядка расторжения, предусмотренного как для отказа от договора, так и для судебного расторжения. Так, например, в одном из Постановлений Арбитражного суда Дальневосточного округа указано, что включение в договор условия об автоматическом прекращении в случае нарушения графика оплаты, предусмотренного требованиями договора, свидетельствует об отсутствии оснований для обращения в суд¹⁴⁵. Данный механизм свидетельствует об упрощенном порядке расторжения договора.

Следует отметить, что для автоматического прекращения договора достаточно наступления указанных в нем обстоятельств, свидетельствующих о нарушении, таковыми могут быть: отсутствие оплаты, непередача вещи или отсутствие иного исполнения к определенному моменту, в результате чего одна из сторон утрачивает интерес к продолжению сохранения договорных отношений.

---

¹⁴⁵ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.08.2017 № Ф03-2878/2017 по делу № А51-30117/2016 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Несмотря на то, что указанный механизм расторжения договора в ответ на его нарушение не закреплен на законодательном уровне, сторонами активно прописываются условия об автоматическом расторжении в договорах. Об этом свидетельствует и судебная практика.

Особенно активно сторонами используется данный инструмент в отношении обеспечительных сделок (залог, задаток, поручительство, независимая гарантия)¹⁴⁶. Чаще всего данная альтернатива встречается в договорах, когда речь идет о непременности предоплаты. К примеру, заключается консенсуальный договор купли-продажи, в котором оговорено, что договор подлежит автоматическому расторжению в случае невнесения обусловленной договором предоплаты. По своей сути невнесение предоплаты является отменительным условием, при наступлении которого договор прекращается.

Согласно позиции ВАС РФ, выраженной в одном из Постановлений Президиума, от сторон не требуется дополнительного согласования для расторжения договора, если в последнем предусмотрено автоматическое прекращение ввиду нарушения стороной определенного договором обязательства¹⁴⁷.

Тем не менее, не всякое нарушение договорного обязательства влечет автоматическое прекращение договорных связей. Так, при анализе судебной практики, касающейся рассматриваемого механизма (автоматического прекращения договорных обязательств при наступлении определенного условия), встречаются дела, в которых суды отклоняют доводы сторон об автоматическом расторжении при частичном неисполнении договорных

---

¹⁴⁶ Так, например, в одном из дел Верховный суд РФ заключил, что «положения пунктов 1-3 статьи 367 Гражданского кодекса, определяющие основания прекращения поручительства, не исключают возможность согласования сторонами договора иных условий прекращения обеспечительной сделки». В частности, согласование сторонами условия об автоматическом прекращении договора в случае непоступления поручителю вознаграждения от должника к определенному моменту не противоречит действующему законодательству, а также согласуется с принципом свободы договора. См.: Определение Верховного Суда РФ от 15.05.2017 № 308-ЭС16-19725 по делу № А63-15604/2015 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁴⁷ Постановление Президиума ВАС РФ от 13.08.2002 № 10254/01 по делу № А40-12100/01-20-75 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

обязательств (например, предоплата внесена в размере меньшем, чем обуславливалось условиями договора¹⁴⁸). Иными словами, автоматическое прекращение договора имеет место быть лишь в том случае, когда поведение сторон (в том числе, негативное) в полной мере согласуется с условиями договора. В противном случае сторона не сможет сослаться на автоматическое прекращение договора.

Безусловное преимущество указанного механизма расторжения нарушенного договора заключается в сильном стимулирующем и дисциплинирующем воздействии на стороны (применительно к рассмотренному примеру, должник – покупатель осознает, что никаких предупреждений не будет, договор прекратится автоматически в случае нарушения условия о предоплате).

Однако, с другой стороны, недостатком автоматического расторжения является то обстоятельство, что судьба договора может выйти из-под контроля пострадавшего. Например, в ситуации, когда прекращение договора становится невыгодным для поставщика, однако, в конструкции автоматического расторжения, договор прекратит свое действие безо всяких волеизъявлений пострадавшей стороны.

Анализ судебной практики позволяет заключить, что в начале 2000-тысячных годов суды по-разному определяли суть указанного механизма расторжения. Так, например, ВАС РФ в пункте 16 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 28.11.2003 № 75 переключил оговорку об отменительном условии в оговорку об одностороннем отказе¹⁴⁹. В рассматриваемом деле по договору страхования стороны предусмотрели

---

¹⁴⁸ Напр., «приступив к частичному исполнению договора - покупатель путем уплаты аванса в размере 30% от цены договора, а продавец путем поставки товара стоимостью 1 502 881 руб. 81 коп. – тем самым исключили возможность расторжения договора на основании пункта 3.2 договора». См.: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 27.09.2012 по делу № А56-53382/2011 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁴⁹ Указанный пример из судебной практики был предметом рассмотрения в научном исследовании А.Г. Карапетова. Последний не согласился с выводами суда и указал, что в данном деле произошло смешение двух противоположных институтов, а также нарушены принципы толкования договоров. См. Карапетов А.Г. Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Карапетов Артем Георгиевич. – Москва, 2011. С. 167-168.

условие, согласно которому «...при просрочке внесения страхователем очередного страхового взноса страховщик освобождается от обязанности выплачивать страховое возмещение, а договор считается прекратившимся». Исходя из материалов дела, страхователь не внес в срок очередной взнос, наступил страховой случай, страховщик отказался выплачивать страховое возмещение, ссылаясь на то, что в силу данной оговорки договор считается прекращенным¹⁵⁰. Суд квалифицировал указанную в договоре оговорку как право страховщика на односторонний отказ от договора, которым он не воспользовался, не известил о данном намерении страхователя (как того требует порядок одностороннего отказа). Более того, Президиум ВАС РФ указал, что «поскольку страховщик не выразил прямо свою волю на отказ от исполнения договора после просрочки уплаты страхователем очередного страхового взноса, договор не может считаться расторгнутым (прекращенным)»¹⁵¹.

Таким образом, не ко всем отношениям сторон применяется автоматический порядок прекращения договора. Безусловно, включение в договор отменительного условия: договор прекращается при наступлении определенного нарушения – не свидетельствует о намерении сторон инициировать механизм одностороннего отказа. Однако, в каждом конкретном случае необходимо оценивать характер правоотношений сторон, их действительные намерения, а также то, что частичное неисполнение обусловленных соглашением обязательств безусловно не свидетельствует о праве стороны ссылаться на автоматическое прекращение договора.

В прошлом Президиум ВАС РФ все же признавал конструкцию автоматического прекращения договорных отношений, когда стороны предусмотрели в договоре цессии условие о том, что последний подлежит прекращению при неисполнении встречного обязательства – перечисления

---

¹⁵⁰ См. п. 16 Обзора практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования [Электронный ресурс] : Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28.11.2003 № 75 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁵¹ Там же.

определенной денежной суммы в счет оплаты уступаемого требования. ВАС РФ такую конструкцию признал, указав на соответствие этого положения договора действительной воле сторон¹⁵².

Окончательная легализация рассматриваемого механизма подтверждена более поздней судебной практикой арбитражных судов¹⁵³.

Однако, с ликвидацией ВАС РФ, наблюдается постепенный отход от обозначенных позиций. Так, в пункте 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 20 вновь говорится о переквалификации оговорки об отменительном условии в оговорку об одностороннем отказе. Верховный Суд приходит к тем же выводам, что и в рассмотренном нами ранее Информационном письме № 75¹⁵⁴.

Рассмотренные нами примеры судебной практики, касающиеся применения механизма автоматического расторжения нарушенного договора, не вызывают серьезных затруднений. Стороны самостоятельно претворяют в действие указанный механизм, руководствуясь принципом свободы договора, несмотря на отсутствие законодательного закрепления.

3.3 Существенность нарушения как основание для одностороннего отказа от договора

---

¹⁵² Постановление Президиума ВАС РФ от 13.08.2002 № 10254/01 по делу № А40-12100/01-20-75 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁵³ См., напр., Постановление Президиума ВАС РФ от 13.11.2012 № 7454/12 по делу № А24-1270/2011 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. В данном деле суд указал, что смысл положения договора, устанавливающего его автоматическое прекращение при невнесении полной стоимости доли до определенного договором срока, состоит в следующем: «оно позволяет продавцу доли в уставном капитале общества вернуть себе эту долю и с ней права участника общества, если покупатель не оплатил ее в установленный договором срок». Иное толкование условия об автоматическом прекращении договора противоречило бы действительной воле сторон.

¹⁵⁴ В соответствии с п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 20 «При уплате страховых взносов в рассрочку условие договора добровольного страхования имущества о его прекращении в связи с просрочкой уплаты очередного взноса не освобождает страховщика от обязанностей по исполнению договора страхования, если страховой случай произошел до даты внесения очередного взноса, уплата которого просрочена». Суд повторяет, что воля страховщика на отказ от договора должна быть выражена. См.: О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 20 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

В российском законодательстве принцип существенного нарушения закреплен только для судебного расторжения в статье 450 ГК РФ. При этом, в других нормах Кодекса прямо не прописано, что принцип существенного нарушения применяется ко всем тем случаям, когда в силу закона или договора пострадавшая сторона имеет право на односторонний внесудебный отказ.

Только в некоторых статьях ГК РФ упоминается о праве стороны в одностороннем порядке отказаться от договора в случае существенного нарушения другой стороной своих обязательств. А именно в статьях 475, 523, 1234 и 1237 ГК РФ. При этом, первые две нормы регулируют один вид обязательств, вытекающих из договора купли-продажи, тогда как две другие регулируют отношения, связанные с отчуждением исключительных прав и исполнением лицензионного договора соответственно. Однако, в большинстве случаев, когда закон говорит о праве на отказ от договора в случае его нарушения, он не упоминает критерия существенности.

В связи с этим, дискуссионным является вопрос об отнесении критерия существенности к универсальному, действующему по умолчанию для всех случаев расторжения нарушенного договора, как в форме одностороннего отказа, так и для судебного иска о расторжении.

Тем не менее, указанный вопрос об отнесении критерия существенности к универсальному, общему правилу для любого вида расторжения договора не в полной мере прояснен.

По утверждению М.И. Брагинского, В.В. Витрянского толкование критерия существенности нарушения, приведенное в пункте 2 статьи 450 ГК РФ, относится и на другие случаи, когда законодатель использует данный термин. При этом, оценочность указанной категории не позволяет полностью установить объем искомого понятия¹⁵⁵.

На наш взгляд критерий существенности должен быть универсальным, поскольку во всех развитых правовых системах он действует по умолчанию для

---

¹⁵⁵ Договорное право: Общие положения. Кн. 1 / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. - 2-е изд. М.: Статут, 2003. С. 80

любого режима расторжения нарушенного договора: и в Венской Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, и в принципах УНИДРУА, и в Принципах европейского частного права, и в Модельных правилах европейского частного права.

Исходя из изложенного возникает вопрос о необходимости законодательного закрепления принципа существенности нарушения, в силу того, что принцип добросовестности пронизывает весь ГК РФ. В частности, «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно»¹⁵⁶, злоупотреблять правами не допустимо.

В статье 450.1 ГК РФ прямо закреплено, если у стороны есть право на отказ от договора, реализовывать данное право можно лишь разумно и добросовестно. То есть необязательно подводить принцип существенности к одностороннему отказу, а заполнить этот правовой пробел можно с помощью принципа добросовестности. Ведь в общем смысле в отношении существенности и добросовестности говорится о справедливости и соразмерности. Иными словами, мы приходим к общеправовому принципу частного права – балансу интересов, равенству сторон.

Тем не менее, по нашему мнению, во избежание сложностей, контрагентам следует прописать в договоре содержание дефиниции существенности нарушения (расшифровать для целей настоящего договора), формализовать данный критерий, разукрупнив пороговые значения тех или иных нарушений, учитывая свои интересы, свои обстоятельства, специфику данной конкретной сделки.

Полагаем, с точки зрения договорной техники необходимо писать в договоре: «Сторона вправе отказаться от договора ввиду существенного нарушения, а для целей настоящего договора существенным признается нарушение договора в том числе (тем самым, не претендуя на исчерпывающий

---

¹⁵⁶ Указанное правило закреплено в п. 3 ст. 1 ГК РФ.

перечень) ...». По возможности сторонам нужно формализовать фактор существенности, сделав его как можно более предсказуемым.

По вопросу признания судебной практикой такого подхода к составлению раздела о расторжении нарушенного договора Верховный Суд РФ указал, что «стороны государственного (муниципального) контракта вправе конкретизировать признаки существенного нарушения обязательства, совершение которого является надлежащим основанием для одностороннего отказа от исполнения контракта»¹⁵⁷. Несмотря на то, что в обзоре говорится о контракте, заключенном в результате конкурентной процедуры, в равной степени указанный вывод можно применить и для обычных предпринимательских договоров.

Что касается еще одной возможной интерпретации критерия существенности в договоре: можно установить бальную систему нарушений, встречающуюся в некоторых международных контрактах. В качестве приложения к договору может являться своего рода сетка штрафных баллов за те или иные нарушения, а правом на расторжение можно воспользоваться только, если в течение установленного срока нарушившая сторона набирает определенное количество баллов. Данная техника оправдывает себя в отношении долгосрочных договоров.

Как ранее нами было отмечено иногда законодатель сам пытается детализировать понятие существенности нарушения. Так, например, в статье 475 ГК РФ раскрывается дефиниция существенности дефектов качества товара, в том числе обнаружение неустранимого недостатка. Возникает вопрос, а всякий ли дефект неустраним? Например, по договору купли-продажи здания трудно себе представить, что не будет никаких дефектов, возможно они могут быть неустранимыми, однако ничего не значащими для сторон. Справедливо ли

---

¹⁵⁷ См. п.15 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] : утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

давать стороне право на расторжение договора в данном случае? Законодатель этих нюансов не учитывает.

Обратимся к статье 523 ГК РФ, регламентирующей односторонний отказ от исполнения договора поставки. Согласно данной статье существенным нарушением договора поставки предполагается двукратная просрочка поставки товара. Возникает вопрос, а можно ли данное правило применить к однократной просрочке, когда договор поставки заключен на одну партию товаров, т.е. это не длящийся договор с многократными отгрузками, а одна отгрузка и просрочка, которая, к примеру, длится уже на протяжении полугода? Исходя из анализа судебной практики, в одном из дел ВАС РФ признавал существенным и однократную просрочку¹⁵⁸.

Иногда законодатель, прописывая критерий существенности нарушения в статьях (например, в абз. 2 п. 5 ст. 1234, п. 4 ст. 1237 ГК РФ), допускает, что стороны вправе самостоятельно определить содержание вышеназванной категории, например, раскрыть критерий в договоре.

Из изложенного следует, что невозможно на уровне закона раскрыть понятие существенности для различных видов договоров, законодатель слишком далек от специфики конкретных сделок, чтобы однозначно толковать содержание указанной дефиниции.

Более того, существует еще один немаловажный проблемный аспект, встречающийся в судебной практике, на который необходимо обратить внимание. Некоторые суды ошибочно увязывают существенное нарушение с нарушением существенного условия договора. Так, например, в одном из дел суд, ссылаясь на то обстоятельство, что срок выполнения работ в договоре подряда является существенным условием в силу ст. 708 ГК РФ, посчитал, что

---

¹⁵⁸ См. Постановление Президиума ВАС РФ от 25.08.1998 № 3218/98 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. В рассматриваемом деле покупатель произвел оплату товара не в полном объеме и с прострочкой, нарушив тем самым условия договора поставки. Суд посчитал, что однократная просрочка подпадает под случаи, описанные в статье 523 ГК РФ, позволяющие поставщику отказаться от исполнения договора поставки.

у стороны возникло право на расторжение ввиду нарушения существенного условия договора контрагентом¹⁵⁹.

По нашему мнению, смешение указанных правовых категорий недопустимо, ничего общего между существенным нарушением и существенными условиями нет. Данные институты относятся к разным разделам гражданского права. Существенное условие – категория, влияющая на заключение договора, тогда как существенное нарушение возникает в процессе исполнения (неисполнения) договорных обязательств.

Для всех остальных случаев, в которых законодателем допускается отказ от договора без упоминания критерия существенности нарушения, считаем необходимым указать в статье 450.1 ГК РФ на учет данного принципа. Поскольку, как ранее нами было отмечено, если бы можно было расторгать договор, прикрываясь малейшими нарушениями, «жизнь» договора стала бы очень хрупкой, нестабильной, нецелесообразно было бы тогда вообще вступать в договорные отношения, такая ситуация бы дестабилизировала оборот, и оказалась бы крайне деструктивной для развития рыночных отношений, поэтому ни в одной стране мира нет такого режима, при котором договор можно расторгать при малейшем нарушении.

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что на сегодняшний день доктрина существенного нарушения слабо разработана, что создает определенные риски для контрагентов и должно стимулировать стороны детальнее регулировать данные вопросы в договоре.

Стоит отметить, что в качестве альтернативного варианта поведения сторон при нарушении одной из них договорных обязательств может выступать дополнительный инструмент, который позволит внести большую определенность в отношения сторон по сравнению с существенным нарушением.

---

¹⁵⁹ См., например, Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 25.07.2001 № А43-1251/01-5-49 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. В рассматриваемом деле суд, ссылаясь на то обстоятельство, что срок выполнения работ в договоре подряда является существенным условием в силу ст. 708 ГК РФ, посчитал, что у стороны возникло право на расторжение ввиду нарушения существенного условия договора контрагентом.

Как ранее отмечалось в настоящей работе в Германии есть правило, согласно которому, если сторона хочет расторгнуть нарушенный договор, она должна предоставить нарушителю «второй шанс», специальную претензию, в которой установить дополнительный срок разумной продолжительности для устранения нарушения (например, поставить непоставленный товар, погасить долг, устранить дефекты в поставленном товаре, заменить дефектный товар и т.д.)¹⁶⁰. Указанная процедура называется «Nachfrist» [нахфрискт], что в переводе с немецкого означает «дополнительный срок», «отсрочка». По общему правилу, чтобы расторгнуть договор, нужно соблюсти указанную процедуру.

В международном праве встречается упоминание о процедуре Nachfrist. Так, в статьях 47, 49, 63, 64 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров воспринят данный институт.

При анализе норм российского гражданского кодекса можно обнаружить имплементацию института Nachfrist в некоторые статьи ГК РФ. Абсолютно несистемно, но в отдельных нормах данное правило предусмотрено отечественным законодателем. Например, в статье 480 ГК РФ о последствиях передачи некомплектного товара говорится о том, что прежде чем в одностороннем порядке расторгать договор, покупатель должен потребовать от продавца доукомплектования товара, установить разумный срок для этого, и только после расторгать нарушенный договор.

О немецком принципе также говорит статья 723 ГК РФ. В случае, если подрядчик выполняет работы с дефектами, и дефекты теоретически могут быть устранимы, заказчик вправе отказаться от договора, предварительно установив разумный срок для устранения дефектов.

Статья 715 ГК РФ о сроках в договоре подряда, предусматривает аналогичное правило, и т.д.

---

¹⁶⁰ Ялилова А.Р. Институт Nachfrist в российском правопорядке [Электронный ресурс] / А.Р. Ялилова // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 3. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26238830>.

Таким образом, есть ряд ситуаций, в которых отечественный закон предписывает *Nachfrist*, как формальный этап, который необходимо соблюсти для того, чтобы воспользоваться в дальнейшем правом на отказ от договора.

Как указывают ряд исследователей в этой области, варианты этой процедуры могут быть разными: а) обязательность требования об устранении нарушения как обязательное условие для дальнейшего отказа (облигаторный *Nachfrist*); б) альтернативность существенности нарушения (как в Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров)¹⁶¹.

Встречаются ситуации, когда стороны сами в договоре прописывают *Nachfrist*, и судебные органы это признают¹⁶². Безусловно, в таком предусмотрении может быть смысл, поскольку иногда суды игнорируют установление *Nachfrist* в законе и допускают расторжение без соблюдения данной процедуры. Так, например, в одном из дел сдача работ с дефектами была расценена судом как просрочка и суд признал право заказчика на отказ от договора через пункт 2 статьи 405 ГК РФ, вместо применения процедуры *Nachfrist* по статье 723 ГК РФ¹⁶³.

Безусловно, у данной процедуры есть плюс – он дает контрагенту гарантию на сохранение договора до устранения нарушения. Однако, обратная сторона указанного преимущества заключается в том, что пострадавшая сторона вынуждена ждать определенное время пока другая сторона устранит нарушения, тогда как, возможно, интерес к сохранению договорных отношений уже утерян.

---

¹⁶¹ Ялилова А.Р. Институт *Nachfrist* в российском правопорядке [Электронный ресурс] / А.Р. Ялилова // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 3. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26238830>.

¹⁶² См., напр., Постановление Президиума ВАС РФ от 11.09.2012 № 3378/12 по делу № А31-1905/2011 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. В данном деле стороны установили в договоре правило, согласно которому «заказчик вправе в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора в случае непринятия исполнителем мер по выявленным нарушениям и неустранения их в установленный срок». Установление дополнительного срока для устранения нарушений было положительно воспринято судом.

¹⁶³ Постановление Президиума ВАС РФ от 17.12.2013 № 9223/13 по делу № А40-91790/11-100-778 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Стоит обратить внимание на то, что в судах значение переписки между сторонами имеет большое значение.

В тех случаях, когда в письме с требованием устранить нарушение кредитор дает должнику дополнительный срок, согласие должника может быть судом интерпретировано как изменение срока¹⁶⁴. Чтобы исключить такой риск, важно в письме прямо указывать, что данное письмо не есть оферта по изменению срока и не освобождает должника от ответственности за просрочку. Эта рекомендация актуальна как для случаев, когда *Nachfrist* установлен в законе или договоре, так и для всех иных случаев.

В качестве последствия установления дополнительного срока является утрата права на отказ от договора по тем же основаниям на этот период. Указанное последствие вытекает из принципа международного права эстоппель (англ. *estoppel*), согласно которому установлен запрет на противоречивое непоследовательное поведение¹⁶⁵. Имплементация указанного принципа находит отражение в пункте 5 статьи 450.1 ГК РФ, согласно которому направленные на исполнение договорных обязательств действия, в том числе конклюдентные, могут привести к потере права на отказ от договора.

Принцип эстоппель активно применяется российскими судами как часть российского частного права. Возникает эффект моратория на отказ от договора в период установленного для должника срока на устранение нарушения. В связи с этим, устанавливая отсрочку кредитор должен понимать, что дальнейшее несогласующееся с *Nachfrist* поведение может привести к неправомерности отказа от нарушенного договора.

Более того, *Nachfrist* (и соответственно мораторий на расторжение) может быть введен в виде ответа кредитора на запрос должника. По нашему мнению, в

---

¹⁶⁴ Постановление Президиума ВАС РФ от 17.12.2013 № 12945/13 по делу № А68-7334/2012 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. Пример, когда в суде возникла неопределенность «*Nachfrist* или изменение срока». В данном деле ВАС РФ обратил внимание нижестоящих судов на то обстоятельство, является ли установление в письмах-требованиях иных сроков исполнения обязательств продлением сроков исполнения обязательств по договору, что в принципе исключает просрочку в действиях подрядчика.

¹⁶⁵ Саримсоков Ф.В. Эстоппель в российском гражданском праве: двойственность применения / Ф.В. Саримсоков // Юридический вестник молодых ученых. 2015. № 1. С. 122.

Nachfrist'e необходимо четко изложить суть своего требования об устранении нарушения (заменить, исправить, доставить и т.п.). В противном случае могут возникнуть споры о соблюдении процедуры. Так, например, в одном из дел, вместо направления претензии с указанием исправления конкретных недостатков (исходя из пункта 2 статьи 520 ГК РФ), заказчик направил поставщику требование возмещения убытков, вызванных устранением недостатков путем заключения договора с другой организацией. Однако, поставщик с требованиями покупателя не согласился, тем самым отказавшись от предоставленного указанным пунктом статьи 520 ГК РФ права устранить недостатки в поставленном товаре¹⁶⁶.

Для должника аналогично можно осуществить запрос Nachfrist путем направления соответствующего письма с просьбой об установлении дополнительного срока для устранения возникшего нарушения.

В Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров содержится правило, согласно которому при запросе Nachfrist молчание кредитора означает согласие, и Nachfrist считается установленным на тот срок, который запрошен¹⁶⁷. По нашему мнению, данное правило является эффективным, поскольку заставляет кредитора проявить себя. В российском законодательстве такого правила нет, однако его можно прописать в договоре.

Принцип эстоппель распространяет свое действие и на ситуации, в которых должник исполнил свое обязательство, но с просрочкой, в таком случае кредитор теряет право на отказ от договора в этой части, если не заявил об этом до или в момент принятия просроченного исполнения.

В пункте 23 Постановления Пленума ВАС РФ № 13 от 25.01.2013 указано, что в случае, если в силу специфики исполнения, кредитор не мог уклониться от принятия (например, при получении безналичных платежей), то было бы справедливо, чтобы у кредитора был бы хотя бы короткий разумный

---

¹⁶⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 01.10.2013 № 5050/13 по делу № А60-19668/2012 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁶⁷ См. ст. 48 Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс] : конвенция заключена в г. Вене 11.04.1980 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

срок на реализацию права на расторжение¹⁶⁸. Разумный срок – категория оценочная, в каждом конкретном случае определяется исходя из существа обязательства.

Аналогичный вывод можно сделать путем расширительного толкования пункта 5 статьи 450.1 ГК РФ в ситуации, когда должник осуществил дефектное исполнение, в таком случае кредитор должен заявить об отказе в разумный срок после того, как он узнал или должен был узнать о дефекте, даже несмотря на то, что из закона указанный вывод не следует. В случае если кредитор после получения дефектного исполнения своим поведением явно подтверждает действие договора, он теряет право на отказ.

Резюмируя вышеизложенное можно сделать вывод о том, что несмотря на то, что доктрина *Nachfrist* находит свое отражение лишь в некоторых статьях ГК РФ (которые были нами рассмотрены), и «не является общепризнанным элементом доктрины существенности нарушения»¹⁶⁹, стороны, в свете Пленума о свободе договора, вправе предусмотреть данный механизм в договоре, прописав: а) обязательное соблюдение правила о предоставлении контрагенту *Nachfrist*'а до отказа от договора; или как предусмотрено в Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, б) возможность альтернативного сочетания критериев существенности нарушения и соблюдения процедуры *Nachfrist*.

---

¹⁶⁸ О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» [Электронный ресурс] : Постановление Пленума ВАС РФ от 25.01.2013 № 13 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹⁶⁹ Карапетов А.Г. Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Карапетов Артем Георгиевич. Москва, 2011. С. 303.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

В рыночной экономике договор является одним из основных способов регулирования экономических связей. Их участники по своему усмотрению определяют направления и порядок использования имущества: самостоятельно организуют производство и сбыт своей продукции (товаров, работ, услуг) путем заключения и исполнения договоров, условия которых в большинстве случаев определяют самостоятельно с учетом своих интересов и складывающейся экономической ситуации. Гражданско-правовой договор дает возможность участникам свободно согласовать свои интересы и цели и определять необходимые действия по их достижению. Вместе с тем, договор всегда опирается на силу допустившего его закона, т.е. на силу публичной власти, при необходимости обеспечивающую его принудительную реализацию.

Действительное предназначение договора возможно уяснить только при комплексном подходе к исследованию правовой природы последнего: договор как правовой институт и как правовое средство регулирования деятельности его участников.

Важно отметить, что понимание договора как самостоятельного (наряду с законом) правового средства регулирования отношений в сфере экономики, не подменяет и не отменяет законодательных установлений о договоре, а позволяет глубже уяснить природу договора как комплексного объекта, не ограничиваясь лишь изучением правовых норм о договоре.

Учитывая, что даже самые прочные договорные отношения нуждаются в корректировке в силу разных причин, актуальным представляется вопрос о соотношении принципа свободы договора с принципом *pacta sunt servanda* (договор должен исполняться). Продекларированный ст. 421 ГК РФ принцип свободы договора прямо не предусматривает, что стороны свободны в расторжении договора, несмотря на то, что, договор является средством

правового регулирования хозяйственных отношений сторон. Следовательно, норма статьи 421 ГК РФ направлена на установление совокупности правомочий, действующих лишь на стадии заключения договора. В данной формулировке законодатель взял вектор на сохранение стабильности гражданского оборота. Иными словами, в российской правовой действительности вопрос о свободе расторжения договора законодателем не ставится.

Несмотря на то, что механизм одностороннего отказа от договора встречается в некоторых статьях ГК РФ, в качестве основного закреплён режим судебного расторжения договора, который не отвечает современным реалиям российской экономики. Вместе с тем, действующие законодательные установления относительно режима одностороннего отказа от договора носят преимущественно императивный характер, отсутствие в норме фразы о возможности согласовать иное по-прежнему воспринимается в судебной практике как строгое следование норме закона (несмотря на разъяснения Пленума о свободе договора), принцип свободы договора, по меньшей мере, в аспекте свободы его расторжения продолжает оставаться декларативным.

Более того, многочисленная судебная практика свидетельствует о том, что к составлению разделов гражданско-правового договора стоит подходить с особой внимательностью, постараться предусмотреть варианты развития событий в любом их выражении и проявлении.

Немаловажным остаётся вопрос об отсутствии терминологического единства, правовой определенности, ясности и недвусмысленности относительно применения понятий односторонний отказ от договора, от исполнения договора, от исполнения обязательств и т.п. Такая ситуация не только вызывает многочисленные вопросы в правоприменительной практике, но и противоречит конституционному принципу равенства всех перед законом и судом, ведь только единообразное понимание и толкование нормы обеспечивает указанное равенство. В данной связи законодателю надлежит установить ясность в данном вопросе, исключить терминологическую

неопределенность в целях единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями.

Отметим, что в российском законодательстве принцип существенности нарушения закреплен только для судебного расторжения в статье 450 ГК РФ. При этом, в других нормах Кодекса прямо не прописано, что принцип существенного нарушения применяется ко всем тем случаям, когда в силу закона или договора пострадавшая сторона имеет право на односторонний внесудебный отказ.

Полагаем, критерий существенности нарушения должен быть универсальным, поскольку во всех развитых правовых системах он действует по умолчанию для любого режима расторжения нарушенного договора. Во избежание сложностей, контрагентам следует предусматривать в договоре содержание принципа существенности нарушения применительно к одностороннему отказу от договора. Очевидно, что роль гражданско-правового договора как основного средства регулирования деятельности экономических отношений сторон проявляется именно благодаря активности его участников.

В качестве альтернативного варианта поведения сторон при нарушении одной из них договорных обязательств может выступать дополнительный инструмент – *Nachfrist* [нахфрискт], который позволит внести большую определенность в отношения сторон по сравнению с существенным нарушением.

Отдельные нормы ГК РФ уже предусматривают данный механизм предоставления дополнительного срока для исполнения обязательства (например, ч. 2 ст. 480, п. 3 ст. 715, п. 3 ст. 723 и ряд других). Однако, такой подход выработан далеко не для всех предпринимательских договоров.

Стороны, в свете Пленума о свободе договора, вправе предусмотреть *Nachfrist* в договоре, прописав: а) обязательное соблюдение правила о предоставлении контрагенту *Nachfrist* до отказа от договора; или как предусмотрено в Венской конвенции о договорах международной купли-

продажи товаров, б) возможность альтернативного сочетания критериев существенности нарушения и соблюдения процедуры Nachfrist.

На наш взгляд, такое положение дел сделает более эффективным реализацию всех договоренностей сторон, сократит число судебных споров, возникающих в связи с вопросами расторжения договора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Венская Конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс] : конвенция заключена в г. Вене 23.05.1969 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс] : конвенция заключена в г. Вене 11.04.1980 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс] : федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Специальная литература

8. Агарков, М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х томах. Т. 2 / М.М. Агарков. – М.: Статут, 2012. – 535 с.
9. Басин, Ю.Г. Хозяйственный механизм и борьба с гражданскими правонарушениями / Ю.Г. Басин // Совершенствование правовых средств борьбы с гражданскими правонарушениями. – Алма-Ата; – 1984. – С. 3-7.
10. Белов, В. А. Гражданское право. Т. 2. Общая часть. Лица, блага, факты : учебник для бакалавров / В. А. Белов. – М. : Издательство Юрайт, 2012. – 1093 с.
11. Белов, В.А. Перспективы развития общего понятия договора и принципа свободы договора в российском частном праве / В.А. Белов; отв. ред. М.А. Рожкова // Свобода договора: Сборник статей. – М. : Статут, 2016. – 671 с.
12. Брагинский, М.И. О нормативном регулировании договоров // М.И. Брагинский // Журнал российского права. – 1997, – № 1. – С.69-77.
13. Булатецкий, Ю.Е. Торговое право : учебное пособие / Ю.Е. Булатецкий. – М. : МЦФЭР, 2004. – 640 с.
14. Венедиктов, А.В. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х томах. Т. 1 / А.В. Венедиктов; науч. ред. А.А. Иванов. – М.: Статут, 2004. – 463 с.
15. Вилкин, С.С. О нормативной теории решения органа юридического лица / С.С. Вилкин // Вестник гражданского права. Научный журнал. – М.: ООО "Издат. дом В. Ема", 2008. – Т. 8, № 2. – С. 43-67.
16. Витрянский, В.В. Общие положения о договоре в условиях реформирования гражданского законодательства / В.В. Витрянский // Хозяйство и право. – М., 2012. – № 4. – С. 3-26.
17. Войшвилло, Е.И. Логика: учебное пособие / Е.И. Войшвилло, М.Г. Дегтярев. – М. : Профобразование, 2000. – 528 с.
18. Гражданский кодекс Российской Федерации. Общие положения о договоре. Постатейный комментарий к главам 27-29 [Электронный ресурс] /

под ред. П.В. Крашенинникова // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

19. Гражданский кодекс Российской Федерации. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель. Ч. 2 / ред. кол.: С.С. Алексеев (Предисл.), М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Ю.Х. Калмыков, О.М. Козырь, А.С. Комаров, А.Л. Маковский, Е.А. Суханов, Ю.К. Толстой, С.А. Хохлов, И.Г. Цыганенко, О.Ю. Шилохвост, В.Ф. Яковлев. – М. : Изд-во Междунар. центра финансово-эконом. развития, 1996. – 704 с.

20. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И.С. Перетерского / отв. ред. Е.А. Скрипилев; ред. кол.: В.М. Корецкий, В.С. Нерсесянц, Е.М. Штаерман. – М. : Наука, 1984. – 456 с.

21. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2011. – 847 с.

22. Договорное право. Книга пятая. В двух томах. Том 1: Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2011. – 736 с.

23. Договорное право: Общие положения. Кн. 1 / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. - 2-е изд. – М.: Статут, 2003. – 848 с.

24. Егорова, М.А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. 2-е изд., перераб. и доп. / М.А. Егорова. – М.: Статут, 2010. – 528 с.

25. Егорова, М.А. Односторонний отказ от исполнения договора: проблемы теории и практики : монография / М.А. Егорова; отв. ред. М.Н. Илюшина. – М. : РПА МЮ РФ, 2005. – 320 с.

26. Егорова, М.А. Прекращение обязательств вследствие прекращения действия правонаделительных актов / М.А. Егорова // Право и экономика. – 2011. – № 1. – С. 29-35; – № 2. – С. 20-26.

27. Завидов, Б.Д. Основные идеи, недочеты и новации общих положений о договоре [Электронный ресурс] / Б.Д. Завидов // Справочная

правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

28. Ильинская, О.И. Влияние коренного изменения обстоятельств на действие международных договоров / О.И. Ильинская // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 5. – С. 155-166.

29. Иоффе, О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории "хозяйственного права" / О.С. Иоффе; ред. кол.: В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнеев, Е.В. Кулагина, П.А. Панкратов, Е.А. Суханов (предисл.). – М. : Статут, 2000. – 777 с.

30. Иоффе, О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – М.: Юрид. лит., 1975. – 880 с.

31. Казанцев, М.Ф. Договорное регулирование. Цивилистическая концепция / М.Ф. Казанцев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 452 с.

32. Казанцев, М.Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Казанцев Михаил Федорович. – Екатеринбург, 2008. – 333 с.

33. Карапетов, А.Г. Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Карапетов Артем Георгиевич. – Москва, 2011. – 499 с.

34. Карапетов, А.Г. Практика применения арбитражными судами Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» / А.Г. Карапетов, Е.М. Фетисова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 12. – С. 146-191.

35. Карапетов, А.Г. Свобода договора и ее пределы. Т.2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве / А.Г. Карапетов, А.И. Савельев. – М. : Статут, 2012. – 453 с.

36. Карапетов, А.Г., Комментарий к нормам ГК РФ об отдельных видах договоров в контексте Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и

ее пределах» / А.Г. Карапетов, Р.С. Бевзенко // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 8. – С. 4-97 ; – № 9. – С. 6-106.

37. Коломенская, Е.В. Функции договора в торговом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Коломенская Елена Владимировна. – Москва, 2006. – 172 с.

38. Комаров, А.С. Ответственность в коммерческом обороте / А.С. Комаров. – М. : Юридическая литература, 1991. – 208 с.

39. Комиссарова, Е.Г. Отказ от договора в ряду иных действий, направленных на его прекращение / Е.Г. Комиссарова // Цивилист. – 2011. – № 2. – С. 56-61.

40. Корецкий, А.Д. Договорное право России. Основы теории и практики реализации: учеб. пособие для вузов / А.Д. Корецкий // – М. : ИКЦ «МарТ»; – Ростов н/Д : ИЦ «МарТ», 2004. – 524 с.

41. Корецкий, А.Д. Теоретико-правовые основы учения о договоре : монография / А.Д. Корецкий; отв. ред. П.П. Баранов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2001. – 232 с.

42. Красавчиков, О.А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции / О.А. Красавчиков // Антология уральской цивилистики, 1925 - 1989. Сборник статей. – М. : Статут, 2001. – С. 166-182.

43. Красавчиков, О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков // Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. Т.2.: – М. : Статут, 2005. – 183 с.

44. Кукушкин, А.А. Односторонний отказ от исполнения договора как основание расторжения договора [Электронный ресурс] / А.А. Кукушкин, М.В. Субботин // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

45. Кулагин, М.И. Избранные труды / М.И. Кулагин; ред. кол.: В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнеев, Е.В. Кулагина, П.А. Панкратов, Е.А. Суханов (предисл.). – М. : Статут, 1997. – 330 с.

46. Лунц, Л.А. Общее учение об обязательстве / Л.А. Лунц, И.Б. Новицкий. – М. : Госюриздат, 1950. – 416 с.
47. Марченко, М.Н. Частно-правовой договор в механизме правового регулирования / М.Н. Марченко // Вестник Московского университета. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004, – № 2. – С. 3-16.
48. Мейер, Д.И. Русское гражданское право. В 2-х частях: По исправленному и дополненному 8-му изданию, 1902 г. Ч. 2 / Д.И. Мейер; ред. кол.: В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнеев, Е.В. Кулагина, П.А. Панкратов, Е.А. Суханов. – М. : Статут, 1997. – 455 с.
49. Набережный, А. Существенное изменение обстоятельств: меняем или расторгаем договор / А. Набережный // Налоговый учет для бухгалтера. – 2017. – № 9. – С. 50-59.
50. Общая теория государства и права: Теория права. Академический курс в 2-х томах. Т. 2 / М.Н. Марченко [и др.]. – М. : Зерцало, 1998. – 640 с.
51. Общая теория государства и права: Теория права. Академический курс в 2-х томах. Т. 2 / В.В. Борисов [и др.]. – М. : Зерцало, 1998. – 640 с.
52. Осакве, К. Экономико-философская интерпретация договора в англо-американском общем праве: либеральная теория договора / К. Осакве // Журнал российского права. – М.: Норма, 2004, – № 9. – С. 91-106.
53. Очхаев, Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств / Т.Г. Очхаев. – М. : Статут, 2017. – 208 с.
54. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права: Договоры и обязательства. Ч. 3 / К.П. Победоносцев; науч. ред. В.С. Ем. – М. : Статут, 2003. – 622 с.
55. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М. : Статут, 2013. – 351 с.
56. Пугинский, Б.И. Теория и практика договорного регулирования / Б.И. Пугинский. – М. : ИКД "Зерцало-М", 2008. – 224 с.

57. Разу, М.Л. Договорная работа: организация, технология, управления. Учебно-практическое пособие / М.Л. Разу, И.В. Цветков. – М. : ИД ФБК-Пресс, 2005. – 224 с.
58. Рассказова, Н.Ю. Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н.Ю. Рассказова. – М. : Статут, 2013. – 989 с.
59. Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах : монография / отв. ред. В.В. Долинская. – М. : Проспект, 2018. – 192 с.
60. Рогова, Ю.В. Договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота / Ю.В. Рогова // – М. : Статут, 2015. – 144 с.
61. Рогова, Ю.В. К вопросу о моделях ограничения свободы договорного регулирования в гражданском законодательстве / Ю.В. Рогова // Вестник арбитражной практики. – 2013. – № 1. – С. 5-12.
62. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том II. Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. – М. : Статут, 2011. – 1208 с.
63. Саримсоков, Ф.В. Эстоппель в российском гражданском праве: двойственность применения / Ф.В. Саримсоков // Юридический вестник молодых ученых. – 2015. – № 1. – С. 122-137.
64. Семеусов, В.А. О понятии функции хозяйственного договора / В.А. Семеусов // Хозяйственный механизм и право. Сборник научных трудов. – Устинов : Изд-во Удм. ун-та, 1985. – С. 96-104.
65. Слепенкова, О.А. Ограничения принципа свободы договора: законодательство и позиция судов / О.А. Слепенкова // Цивилист. Научно-практический журнал. – М. : АНО "Юридические программы", 2008, № 4. – С. 47-49.
66. Соменков, С.А. Расторжение договора в гражданском обороте: теория и практика / С.А. Соменков; под ред. Е.В. Татаринцева. – М. : МЗ Пресс, 2002. – 228 с.
67. Танага, А.Н. Принцип свободы договора в гражданском праве России / А.Н. Танага. – С.-Пб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 211 с.

68. Теория государства и права : учебник для вузов. 2-е изд. изм. и доп. / под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. – М. : Изд-во НОРМА, 2002. – 616 с.

69. Филиппова, С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей / С.Ю. Филиппова. – М. : Статут, 2011. – 320 с.

70. Французский гражданский кодекс : учебно-практический комментарий / Ю. Гонгало [и др.]. – М. : Проспект, 2008. – 752 с.

71. Халфина, Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве / Р.О. Халфина; отв. ред. В.Н. Можейко. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 239 с.

72. Хохлов, С.А. Договорная работа: учебное пособие / С.А. Хохлов. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1986. – 128 с.

73. Цветков, И.В. Договорная дисциплина в хозяйственной деятельности предприятия: теория и практика / И.В. Цветков. – М. : Книжный мир, 2006. – 447 с.

74. Чеговадзе, Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения : монография / Л.А. Чеговадзе. – М. : Статут, 2004. – 542 с.

75. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права. По изданию 1907 г. / Г.Ф. Шершеневич. – М. : Спарк, 1995. – 556 с.

76. Юдин, Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э. Г. Юдин; Сост., предисл., библиография А. П. Огурцова, В. Г. Юдина. – М. : Едиториал УРСС, 1997. – 444 с.

77. Ялилова, А.Р. Институт Nachfrist в российском правопорядке [Электронный ресурс] / А.Р. Ялилова // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 3. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26238830>.

Судебная практика

78. О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных

вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» [Электронный ресурс] : Постановление Пленума ВАС РФ от 25.01.2013 № 13 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

79. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

80. О последствиях расторжения договора [Электронный ресурс] : Постановление Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 35 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

81. О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 20 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

82. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

83. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

84. О свободе договора и ее пределах [Электронный ресурс] : Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

85. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аниянца Михаила Константиновича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Определение Конституционного Суда РФ от 19.02.2003 № 79-О // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

86. Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой [Электронный ресурс] : Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

87. Обзор практики рассмотрения споров по договору подряда [Электронный ресурс] : одобрен президиумом Федерального арбитражного суда Уральского округа 30.03.2007 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

88. Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования [Электронный ресурс] : Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28.11.2003 № 75 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

89. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] : утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

90. Определение Верховного Суда РФ от 15.05.2017 № 308-ЭС16-19725 по делу № А63-15604/2015 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

91. Определение Верховного Суда РФ от 19.12.2014 № 310-ЭС14-2411 по делу № А08-7982/2013 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

92. Определение Верховного Суда РФ от 21.08.2015 № 310-ЭС15-4004 по делу № А08-7981/2013 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

93. Определение Верховного Суда РФ от 23.05.2017 № 301-ЭС16-18586 по делу № А39-5782/2015 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

94. Определение Верховного Суда РФ от 24.08.2017 по делу № 302-ЭС17-945, А19-9543/2015 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

95. Определение Верховного Суда РФ от 30.07.2013 № 18-КГ13-70 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

96. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.08.2017 № Ф03-2878/2017 по делу № А51-30117/2016 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

97. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.12.2016 № Ф06-15857/2016 по делу № А12-28452/2016 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

98. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.09.2015 по делу № А56-81284/2014 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

99. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.04.2018 № Ф09-1005/18 по делу № А47-4165/2017 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

100. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.04.2018 № Ф10-573/2017 по делу № А84-1077/2016 [Электронный ресурс] //

Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

101. Постановление Президиума ВАС РФ от 01.06.1999 № 6759/98 по делу № А60-483/98-С2 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

102. Постановление Президиума ВАС РФ от 01.10.2013 № 5050/13 по делу № А60-19668/2012 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

103. Постановление Президиума ВАС РФ от 07.08.2001 № 4876/01 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

104. Постановление Президиума ВАС РФ от 09.09.2008 № 5782/08 по делу № А19-9645/07-26 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

105. Постановление Президиума ВАС РФ от 11.09.2012 № 3378/12 по делу № А31-1905/2011 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

106. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.04.2011 № 12363/10 по делу № А40-160170/09-102-1126 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

107. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.04.2010 № 1074/10 по делу № А40-90259/08-28-767 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

108. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.08.2002 № 10254/01 по делу № А40-12100/01-20-75 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

109. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.11.2012 № 7454/12 по делу № А24-1270/2011 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

110. Постановление Президиума ВАС РФ от 16.02.2010 № 13057/09 по делу № А40-87811/08-147-655 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

111. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.12.2013 № 12945/13 по делу № А68-7334/2012 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

112. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.12.2013 № 9223/13 по делу № А40-91790/11-100-778 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

113. Постановление Президиума ВАС РФ от 20.10.2011 № 9615/11 по делу № А65-18291/2009 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

114. Постановление Президиума ВАС РФ от 25.08.1998 № 3218/98 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

115. Постановление Президиума ВАС РФ от 30.11.2010 № 9600/10 по делу № А17-1960/2009 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

116. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 03.02.2010 по делу № А82-3770/2009-8 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

117. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 25.07.2001 № А43-1251/01-5-49 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

118. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 13.04.2010 по делу № А42-2857/2009 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

119. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 27.09.2012 по делу № А56-53382/2011 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

120. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 28 декабря 2015 по делу № А33-16800/2015 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

121. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 29.06.2018 по делу № А33-1686/2018 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Нормативные правовые акты на иностранном языке

122. Ordonnance № 2016-131 du 10 février 2016 portant réforme du droit des contrats, du régime général et de la preuve des obligations. [Электронный ресурс] // Legifrance. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr>.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт

Кафедра предпринимательского, конкурентного и финансового права

УТВЕРЖДАЮ

И.о. зав. кафедрой

И.В. Шишко
подпись   инициалы, фамилия

« 15 » 04 20 __ г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**РАСТОРЖЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ДОГОВОРА:
ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ПРАКТИКИ**

40.04.01 Юриспруденция

40.04.01.03 Корпоративный юрист

Научный руководитель Л.Ю. Егорова доцент, канд. юрид. наук инициалы, фамилия
подпись, дата   должность, ученая степень

Выпускник В.В. Пылаева
подпись, дата   инициалы, фамилия

Рецензент И.С. Балаганская адвокат инициалы, фамилия
подпись, дата   должность

Красноярск 2019